

Восточный фронт

Автор:

Владислав Савин

Восточный фронт

Владислав Олегович Савин

Морской волк #12

Война в Европе закончена, – но на Дальнем Востоке милитаристская Япония не желает капитулировать, причем все еще имеет третий в мире флот, главные силы которого собраны у советских границ. Удастся ли нашим современникам, используя лишь свои знания и опыт, отомстить за Цусиму и Порт-Артур?

Влад Савин

Восточный фронт

© Влад Савин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Благодарю за помощь Толстого Владислава Игоревича, Сухорукова Андрея, Шопина Василя. А также читателей форума Самиздат под никами Old_Каа, omikron, HeleneS, Библиотекарь и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Отдельная благодарность глубоко уважаемому Н. Ш.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и помогают чем могут.

Лазарев Михаил Петрович.

В 2012 году капитан 1-го ранга, командир атомной подводной лодки «Воронеж», СФ.

В 1945 году альт-исторической реальности контр-адмирал, трижды Герой Советского Союза, назначен командующим Тихоокеанским флотом.

Владивосток, штаб ТОФ, 9 мая 1945 года

Годовщина Победы. В этой исторической реальности Великая Отечественная война закончилась тоже 9 мая, но 1944 года. Нет еще традиции военного парада в этот день (зато он был 1 мая, как и до войны). но в отличие от той истории, день уже объявлен нерабочим[1 - Тут Лазарев ошибается. 9 мая был нерабочим с 1945 по 1947 год, отменен 23 декабря 1947 года. Вновь объявлен в 1965 году. И тогда же, в честь 20-летия Победы, впервые состоялся парад в этот день.]. Город и корабли украшены флагами и портретами вождей, Ленина и Сталина, все офицеры и матросы в парадке, настроение соответствующее. Ровно год, как Советский Союз живет в мире, после такой войны!

И считанные недели до войны новой. Поскольку провокации японской военщины переходят уже все мыслимые границы. Мне, как моряку, вспоминаются реалии трехсотлетней давности, «нет мира за этой чертой». Когда в Европе войны нет – но если далеко в море встречались корабли недружественных держав, то залп всем бортом, затем саблю в зубы и на abordаж! Послы после предъявляли ноты – но если не было желания воевать по-крупному, то тем дело и кончалось. Ну а утопшим морячкам уже все равно.

Как мы сюда попали, выйдя в 2012 году в учебно-боевой поход, с Севера в Средиземку? Пусть о том думают академики. А мне без разницы, произошло это в силу неведомого природного феномена, или побочным результатом научного эксперимента над пространством-временем в каком-нибудь веке тридцатом, или даже желанием того, кто явился мне однажды во сне, если это все же не было сном! Главное, что в этой исторической реальности или параллельном мире (зовите как угодно) Великая Отечественная завершилась на год раньше – и, по разным оценкам, от шести до восьми миллионов советских людей остались живы. А насколько это нарушило высшее равновесие – нам до того нет дела. Потому что мы намерены менять историю и дальше. Чтобы здесь СССР никогда не узнал, что такое «перестройка» и предательство вождей.

Там, в несветлом будущем, я не был сталинистом. Хотя слышал, что прадед мой в тридцать седьмом пострадал. Но слишком давно это было, и текущие дела надо было решать – так что не задумывался, просто служил. Хотя к Солженицыну и прочим «демократам» относился крайне враждебно – за то, что они сделали с великой страной. И вот попал в прошлое, сам того не ожидая, был удостоен личной встречи с Самим, и не единожды. И показался мне Вождь – «был культ, но была и личность»! Я не восторженная институтка, чтобы поддаться чьему-то обаянию – а офицер, повидавший всякого, за свои сорок четыре года (там я в семидесятом родился), живший в совсем не романтическое, а очень циничное время. Но я скажу тем, кто против – кто вместо него? Если не нравится «За Родину, за Сталина», то назовите альтернативу? С условием, из числа живущих здесь – без вариантов, что прилетит волшебник в голубом вертолете, или добрые инопланетяне, или мудрые прогрессоры из двадцать второго века, и разрулят все, никого не обидев. Помню, в том времени в литературе был моден жанр «попаданства» – и такого, как мы, и еще было, читал не раз, как сознание человека из будущего вселяется в какую-то историческую личность. Так вот вам год 1924-й, кто, по-вашему, мог бы сыграть лучше – Троцкий, Зиновьев, Киров, Бухарин (список продолжить)? Обоснуйте – а я посмотрю!

Тем более что Сталин, узнавший будущее и решивший его изменить – уже заметно отличается от себя самого в той истории. И что бы про него ни говорили – но он не дурак и искренне старается за державу, а не за свой карман. Так что шансы лечь на новый курс есть, как и загубить все, как было в девяносто первом: ничего еще не решено! Но я надеюсь дожить до здешнего 1991-го и услышать: «в СССР всё спокойно». Уже перевела история стрелку – посмотрим, что будет дальше!

Звенели колеса, летели вагоны;

Гармошечка пела: «Вперед!»

Шутили студенты, скучали «погоны»,

Дремал разночинный народ.

Песня из репродуктора. Тоже три года назад все началось, с «концерта по заявкам» на радиопеленгатор, когда мы, тогда еще «Морской волк», предкам посылку передавали, трофейный немецкий катер, а на нем распечатки с наших компов, вся информация, что показалась нам важной на тот момент. Это уже после у нас на борту старший майор НКВД Кириллов появился, с тех пор бессменный главный охранитель нашей Тайны – и была установлена с предками постоянная связь, и вышло в итоге, что зачислили нас в списки ВМФ СССР и поставили на довольствие. А тогда мы не знали еще, как нас встретят – Карское море, август сорок второго, охота на «Шеер». Который в этой истории с тех пор носит наш флаг и славное имя «Диксон»[2 - О том см. «Морской волк»]. А песни так и разлетелись, как по ветру в фильме «Волга-Волга». Какие-то сразу в обиход вошли – а какие-то спустя время. Товарищ Пономаренко, который тут главноответственный за идеологию и пропаганду, говорил, что едва ли не сам Сталин добро дает, что на публику выпускать. «Дорога» весной сорок четвертого вышла, как раз когда наши солдаты на дембель из Европы ехали – и не раньше, чтобы народ «погонами» не смущать, которых еще не было в сорок втором, когда мы сюда провалились. «День Победы» и «Как, скажи, тебя зовут» прозвучали на московском Параде. «Комбат-батяня» я в Полярном слышал, весной сорок третьего. А вот «Давай за жизнь», тоже от «Любэ», впервые крутили по радио буквально неделю назад. Только слова там заменили, вместо «Берлин сорок пятого», поют:

В старом альбоме нашел фотографию

Бати, он был командир Красной Армии.

Погиб героем, под Волочаевкой,

Убит проклятыми самураями.

Подготовка общественного мнения к тому, что скоро начнется? И вроде Волочаевка 1922-го – там Красная Армия с белыми дралась, а не с японцами? Хотя самураи своими зверствами тогда такую память о себе оставили, что

никакой пропаганды не надо! А слова и заменить можно – как в нашей истории «Три танкиста» в двух вариантах есть. Уж если здесь даже «Есаула» тальковского переукрасили, он тут «за помещичью власть» идет воевать, и «жизнь на чужбине», в эмиграции, а после его немцы расстреливают за отказ служить Краснову. Вообще, пропаганда тут сильнейшая, за социализм-коммунизм, конечно, тоже, но и – возвращение к истокам, к русской славе. Началось еще в сорок третьем, когда вместе с введением погон разрешили носить и царские «Георгии», официально приравняв их статус к солдатской «Славе». Было тогда сказано, что царизм, конечно, несправедливый и захватнический – но солдаты кровь честно за Отечество проливали, а потому заслуживают такого же уважения[3 - В реальной истории проект такого Указа, в 1944-м, не был принят.]. Конечно, и в нашей истории очень многие заслуженные люди, такие как Буденный (награжден был пять раз, но одного лишен), Жуков, Малиновский, Рокоссовский, Ковпак (все – по два креста) носили свои «Георгии» явочным порядком, не подвергаясь за это никаким репрессиям – но тут имело значение законодательное приравнение к «Славе»: напомним, что по статусу, трехкратный кавалер «Славы» равен Герою Советского Союза, со всеми положенными привилегиями, а кроме того, при награждении третьим орденом автоматически получает следующее воинское звание. Личному составу для прочтения прямо рекомендуются «Порт-Артур» Степанова (написан в сорок четвертом, у нас Сталинскую премию получил в сорок седьмом, а здесь уже), «Цусима», «На сопках Маньчжурии»... и «Богатство», и «Каторга», в нашей истории написаны Пикулем, а тут фамилия на обложке мне ничего не говорит. А уж что японцы давно зарятся на нашу землю, что в нашу Гражданскую (и это правда – если прочие интервенты, англичане, американцы, французы, высаживались, лишь чтобы пограбить и уйти, то самураи тогда всерьез намеревались отхватить территорию до Байкала, как перед этим Корею присоединили), что в эту войну, только ждали случая, нам в спину ударить – о том политработники всем нашим военнослужащим в мозги вбивают со страшной силой, начав еще по пути из Европы сюда.

Враг, запомни, мы не горды!

Мы приветливый народ.

Но не суй свиную морду

В наш советский огород!

Война с Японией 1945 года в нашей исторической реальности оказалась «в тени» Великой Отечественной. А ее короткий срок и быстрый успех, меньше месяца

боевых действий и сравнительно небольшие наши потери, дают основание считать, что для Советской Армии это было чем-то вроде легкой прогулки? Нет – даже на суше, с учетом протяженности территории, Маньчжурскую операцию можно сравнить, пожалуй, с Висло-Одерской, с поправкой на возросший опыт наших войск. А вот войну на море там мы бездарно слили, лишь подобрав остатки с американского стола. Наш Тихоокеанский флот не проявил себя никак, уйдя в глухую оборону. Ну а бои на Южном Сахалине и занятие (не штурм!) Курильских островов – о том я расскажу позже. Упрощенно, на Тихом океане наша роль и место были примерно такими же, как в Европе – наших союзников. И главной причиной тому была наша военно-морская мощь (вернее, немощь) в дальневосточных водах.

И вот, насколько реально «переиграть» эту войну, с учетом послезнания, и весьма изменившейся обстановки? Все же не три месяца на подготовку и переброску сил, а целый год – разница большая. В той истории мы сполна отомстили японцам за Ляолян, Мукден, Порт-Артур. В этой – выйдет так же отплатить им еще и за Цусиму?

При том что японский флот сорок пятого года, которого мы весьма опасались в той реальности и который там фактически был уже полностью уничтожен американцами – здесь, по состоянию на май-июнь того же года, по-прежнему третий флот мира! Сражения в Атлантике между флотами англо-американцев и Еврорейха (рейды «берсерка» Тиле, Гибралтар, Лиссабон), отсутствующие в мире, откуда мы пришли, оттянули значительное количество союзных сил (в том числе и флота) и повлекли их ощутимые потери[4 - О том см. «Белая субмарина», «Днепровский вал», «Северный гамбит», «Ленинград-43».] – и потому японцы получили передышку, сражения здесь в общем сохранили тот же рисунок, но сдвинулись по времени где-то на полгода. Соответственно, потери японского ВМФ были значительно меньше, пока.

Правда, проблемы иногда возникали там, где я совершенно их не ждал. Дальний Восток 1945 года и 2012 года иной истории это огромная разница! Прежде всего, в плане народохозяйственного освоения. Хотя уже и не «задворки Империи», как при царе, но...

– А если я путину сорву? Что мы все тогда жрать-есть будем?

Нет, товарищ из крайкома не был врагом и саботажником, он все понимал. Но, черт побери, так уж вышло, что мне и в той, прошлой жизни не пришлось

служить, и даже бывать на Дальнем Востоке! Сейчас, отправляясь сюда, я тщательно ознакомился со всей информацией, по военному и военно-морскому аспекту. Как и с военно-экономическим обзором, касающимся в основном производственных и ремонтных мощностей, транспортной структуры, мобилизационных ресурсов. О прочем же было сказано коротко: «в питании населения большую долю занимают рыба и морепродукты». А если подробнее, то Дальний Восток еще с царских времен кое-как обеспечивал себя продовольствием (за исключением Камчатки и Чукотки, которые и в позднесоветское время плотно сидели на «северном завозе»). Но угроза японского нападения в 1941–1942 годах заставила формировать новые дивизии взамен убывающих на фронт, из местного населения, то есть изъять из хозяйства несколько сотен тысяч трудоспособных мужиков! А освоение этих земель в тридцатые, при всем пафосе и романтике, только начиналось. В итоге теперь, когда число народонаселения в этих краях выросло в разы, с учетом перебрасываемых с запада войск, с провизией стало не то что напряжно, установленную норму снабжения обеспечим – но рыба, вылавливаемая здесь же, играла значительную роль, и обойтись без нее было никак нельзя!

И где ловили? Взглянув на карту, хватаешься за голову – ладно бы только в «нашей» части Охотского моря, так ведь и возле японских пока еще Курил, и по ту сторону, в океане, и в Японском море! Где флот никак не может прикрыть рыбаков – а ведь есть еще план мобилизации, по которому сейнеры должны стать тральщиками, сторожевиками (существенная прибавка, при малом корабельном составе флота), причем эти мероприятия должны начаться еще до войны! И еще одна головная боль, как сохранить секретность, ведь всем будет ясно – скоро начнется! А еще и японцы в тех же водах ловят – у них с рыбой в питании положение аналогично (ну хоть что-то хорошее), – но это ведь и шпионы, «рыбачки», мне еще на Камчатке докладывали, что экипажи их траулеров, на наш берег сойдя, военной подготовкой занимались, штыковым боем и метанием гранат (с палками и камнями), а все их матросы здорово на переодетых солдат похожи. И что на их тральцах стоят слишком мощные дизеля и рации – передать хоть прямо в море пару 20-мм автоматов, глубинные бомбы, станцию ГАС – и вот уже готовый противолодочник! А в японском флоте таких – за сотню штук.

Отчего это я должен был заниматься и таким делом? Так решением Ставки (читай, Сталина) ТОФ отвечал за весь морской фронт, включая Сахалин, Камчатку и Курилы. Соответственно, в оперативное подчинение передавались расположенные там сухопутные части и авиация. И это было логично, и удобно – но с объявлением военного положения на флот ложилась ответственность и за

гражданский тыл! А вы думаете – стратегия!

А я в той, прошлой уже жизни, был всего лишь командиром атомарины! И мечтал о должности комдива как о своем потолке. Здесь, слава богу, успел не только в море, «вольным корсаром», на рубке «Воронежа» цифра «92», а еще «неофициально» потопленные есть, числом еще за два десятка – но и приобщиться к штабной работе, да еще под началом таких легендарных личностей, как сам Кузнецов, бессменный нарком ВМФ всю войну, Головки, такой же бессменный командующий СФ, и Зозуля – ас штабной работы и будущий начальник Главморштаба (в мое время именами всех этих адмиралов были названы корабли – вот юмор, если здесь лет через пятьдесят спустят атомный авианосец «Адмирал Лазарев»). И вроде у меня получалось, как сказал Николай Герасимович – но все же в штабах и в Наркомате ВМФ я «ведомым» был, а здесь самостоятельная роль!

А сталинское время – оно не жестокое, а жесткое. Я уже понять успел – здесь не «кровавая гэбня» зверствует, а ошибок не прощают никому. Справился с делом – почет тебе, награда и новое задание! Провалил – не взыщи! И даже мои три Золотые Звезды (первая за «Шеер» и Петсамо, вторая за уран для советского Манхеттена, третья за Средиземку) лишней жизни, как в компигре, не дают, а всего лишь допуск на высший уровень. И сорваться вниз можно с любого. Тут уже услышать успел про Блюхера, легендарного героя Гражданской, первого кавалера ордена Красного Знамени (в то время, когда еще не было звания Героя – высшая советская награда!), героя-победителя на КВЖД в двадцать девятом. Что под конец он откровенно опустил, пил не просыхая, всё развалил – а каков поп, такой и приход, армия была просто небоеспособна, ну как назвать, когда в танковой бригаде в помощь погранцам, атакованным японцами, находятся лишь шесть исправных танков, а до места кое-как доползают четыре, постоянно ломаясь по пути – когда бой уже давно завершился?

Причем в обстановке нервной – могут и особенно не разбираться! Тут на ТОФе в 1937–1938 годах два командующих сменились: сначала Викторов был расстрелян, за ним Киреев (при царе оба служили на Балтфлоте, первый – из дворян, окончил Морской корпус в 1913-м, участник Моонзундского сражения, на броненосце «Гражданин», в ВКП(б) с 1932-го, второй из рабочих, унтер-офицер, механик, в ВКП(б) с революции, был комиссаром в Ледовом походе 1918 года). Различия в биографии не помогли – но вот флот у Киреева принял именно Кузнецов, в январе 1938-го, уйдя через год на Наркомат ВМФ. И тот факт, что

флота на Тихом океане у нас по существу и не было, на фоне японской военно-морской мощи, уверен, сыграл в судьбе прежних командующих не последнюю роль! Торпедные катера Ш-4 (для Финского залива еще кое-как годились бы), и подлодки М VI серии (для учебных целей, может быть), – а комфлот лишь руками разводил, а что я могу? Вот и доигрались оба – при Кузнецове уже стало в строй вступать что-то серьезное, не только «москиты». Но все равно, считаю, что нам дико повезло, что при Хасане и Халхин-Голе японский флот (по сугубо внутривойсковым причинам) сохранял олимпийское спокойствие – на суше, положим, мы бы потягаться с самураями уже могли, но потерять и Северный Сахалин было тогда абсолютно реально!

Вот и вспоминай теперь слова шукшинского героя, из фильма «Они сражались за Родину» – ой, мама, зачем ты меня генералом родила? И Сталина – «ну где я возьму Гинденбургов, приходится обходиться теми, кто есть»! В воду тебя бросят – и плыви, а мы посмотрим, не утопнешь ли? Так и получаем Жуковых отечественного разлива, естественным отбором. И хватило бы способностей, характера и удачи оказаться не проигравшим!

Хорошо, к званию не только обязанности, но и права прилагаются. И коль уж в начальство выбился – первое правило: не оставляй без работы своих заместителей! Раков Василий Иванович, тоже личность легендарная, Герой еще с финской (вторую Звезду в этой реальности не получил еще – не топили здесь «Ниобе» в Котке летом сорок четвертого), зато уже генерал-майор (на пять лет раньше, чем там), а то полковнику авиацией целого флота командовать несолидно. Взял на себя все авиационные заботы – и справляется отлично. Еще в Военный Совет ТОФ (по уставу – «совещательный орган при командующем войсками и силами флота, предназначен для обсуждения, а иногда и решения принципиальных вопросов организации боевых действий, управления, войсками, подготовки и обеспечения войск») входят:

Начальник Политуправления ТОФ, Иван Васильевич Рогов. На тот момент начальник Главного политуправления Флота, но постоянно совмещал эту должность с обязанностями ЧВС наиболее активных действующих флотов. Комиссар Гражданской, с 1939-го переведен на флот, но сохранил сухопутный чин, армейский комиссар 2-го ранга, равный генерал-полковнику[5 - Напомню, что в альт-реальности унификация воинских званий 1943 года не коснулась политорганов и ГБ.], имел прозвище «Иван Грозный» за крутой характер, но в то же время, по отзывам современников, «в нем привлекала оригинальность мысли, шаблонов он не терпел», то есть меньше всего его можно было сравнить с

чернильной душой в футляре. Мне доводилось встречаться с ним еще в Москве в наркомате. Кажется, ему было не слишком приятно попасть ко мне в подчинение – но я в его глазах был не «штабной душой», а воюющим командиром самой результативной подлодки советского ВМФ, а подводников Иван Васильевич уважал, еще с Балтфлота сорок второго года.

Зозуля, начштаба ТОФ. Без него я был бы как без рук, вот не было у меня навыка управлять сложной машиной штаба целого флота, как дирижер оркестром! Случались, конечно, огрехи – но гораздо меньше, чем я ожидал. Все же подавляющее большинство офицеров штаба оценили перспективу ускоренной выслуги чинов военного времени и будущую строку в послужном списке, «имеет боевой опыт» – естественно, при условии общей победы. Так что нерадивых было мало – особенно если желающих на твое место, с трех западных флотов, найти не проблема!

Степанов, мой первый зам. Прибыл на ТОФ вместе со мной, в декабре, первое время исполнял обязанности начштаба, пока не вернулся Зозуля со «стажировки» у американцев.

Юмашев, Иван Степанович. Полный адмирал (с 1943 года), прежний командующий ТОФ, с 1939-го. Очень много сделал для повышения его боеспособности (не его вина, что ресурсов было мало в войну, на тыловой театр), и был подвинут с должности, на мой взгляд, лишь потому, что Сталину категорически не понравилось его слишком осторожное поведение там, в августе сорок пятого. Человек с крепкой житейской сметкой, прошедший путь от балтийского матроса-большевика семнадцатого года, преданный советской власти, но вот засело в нем, что японцы сильны, и нам, как бы чего не вышло, надлежит сидеть тут в глухой обороне. А нам уже по силам задачи наступательные, провести которые, как сказал Кузнецов, по силам уже другому человеку – это что, снова намек, вот попробуй не справишься, товарищ Лазарев М. П.? Что с того, что ты красивую теорию создал и план – Куропаткин-Мукденский тоже этим славился, и что в результате? По легенде, Скобелев, у которого Куропаткин был начштаба, однажды прямо сказал:

– Боже тебя упаси самому пытаться реализовать самый гениальный из твоих планов. У тебя никогда не хватит на это решимости!

Еще начальник Особого отдела флота. Еще первый секретарь Камчатского обкома ВКП(б). Еще начальник Камчатского пограничного округа, генерал-

лейтенант Антонов Константин Акимович, принимавший меня в Петропавловске неделю назад. Еще зам по тылу. Еще особый зам «товарищ Эрих», от ГДР, учитывая наличествующий в частях немецкий персонал. Еще один «германец», но наш, русский, отвечающий за боеготовность техники иностранного (в подавляющем большинстве немецкого) производства. Вот весь наш Военный Совет – где я председатель. Совет, которому, в случае начала войны, принадлежит вся власть на подотчетной территории, военная и гражданская. Причем последняя вызывала у лично меня наибольшую головную боль.

– А если я путину сорву? Что кушать будем?

Вопрос решали комплексно. Что-то удалось получить – увеличением поставок с «большой земли». Что-то – по ленд-лизу от американцев (транспорта с продуктами пришли в Петропавловск только вчера). И, черт побери, если корейцы выращивают огороды (а время самое «огородное», это я еще по прежней жизни в будущем помнил), то отчего нашим нельзя? Найдите людей, учредите подсобные хозяйства, да тех же наших корейцев припашите! И готовьтесь по приказу «в час икс» брать на бордаж японских рыбаков в наших водах – зачем топить, если у них рыбка в трюмах, кстати, подумайте заранее, куда их везти и разгружать? Заодно пополним вспомогательный флот – вот чем мне нравятся японцы, у них еще задолго до войны был принят закон, что все новопостроенные суда должны иметь возможность «двойного использования», и как гражданские, и как военные, для чего в конструкцию заранее вносились изменения, например, палуба подкреплялась для установки пушек – и судовладельцам за это шла дотация от казны. Значит, ценные будут трофеи!

А вообще, эта война задумывалась как «блицкриг». Ну не нужна СССР сейчас еще одна долгая (даже на несколько месяцев) война, выдержать-то мы ее выдержим, но какой ценой?

Вспоминаю, как я ехал сюда – долгий путь на восток, через деревянную Россию, именно это бросается в глаза из окна вагона поезда, спешащего по Транссибу. В начале двадцать первого века промышленный пейзаж стал привычным, даже в глухомани – то опоры ЛЭП вдали, то какое-то ржавое железо валяется или бетонная плита. А тут даже платформы на станциях часто с настилом из досок. И проводов контактной сети не увидишь над рельсами, вдали от Москвы – зато неременный атрибут железной дороги, это гидроклонки для заправки паровозов. А вокзалы если не деревянные, то красного кирпича, типичная архитектура конца девятнадцатого века.

– Вы лучше поездом отправляйтесь, товарищ Лазарев, обстановка пока позволяет. А то погода сейчас часто нелетная, мало ли что.

Это был намек на тот случай в восьмидесятых, когда в Пулково все командование ТОФ разбилось? Или констатация того факта, что по земле еще и быстрее может выйти, с учетом того, что самолеты пока что не Ту-154, летят не только в разы медленнее, но и с частыми посадками, а я даже в девяностые однажды в аэропорту погоду переждал четверо суток – слава богу, было у кого остановиться, чтобы на чемодане не сидеть. А климат тут суровый – Сибирь, зима, декабрь. Едем скорым, хоть читай, хоть в окно гляди – а в купе рядом, офицеры оперативного отдела терзают гитару:

Я ехал в вагоне по самой прекрасной,

По самой прекрасной земле.

А я смотрел в окно, воочию ощутив, насколько СССР сорок пятого года был беднее, чем РФ 2012-го. А ведь мы ехали там, где не прокатилась война – на западе, рассказывают, что еще во многих местах в землянках живут. И пахнут на коровах, или буквально на себе – техники никакой нет. Всё фронт забирал – да и без того, наиболее распространенный автомобиль в хозяйстве это полуторка, по меркам двадцать первого века, как «газель», ну трехтонка еще – перед КамАЗом или «Уралом» выглядит бледно. И довелось мне однажды видеть трактор СТЗ, мощностью аж в пятнадцать лошадок – в нашем времени на мотоциклах был мотор сильнее! Но и этого сейчас в большинстве колхозов нет, наша промышленность на мирные рельсы перестраивается, поставки из ГДР только начались – и подозреваю, во многом идут прежде всего в «оборонку».

Но СССР выиграл самую страшную войну. И в той исторической реальности, и в этой. Мы здесь лишь подсобили чуток.

Я ехал в мягком спальном вагоне, комфортом не уступающем будущим СВ. А ведь бывало куда страшнее.

«Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы – последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходил в два часа, мы же,

голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полтора суток. В дачных, не отапливаемых вагонах температура же в те дни не поднималась выше 25 градусов мороза.

Была ночь. Доехали, кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги, и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30).

Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево – первая заозерная станция.

Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакуопункта совершал огромное преступление – выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинудись на еду, и когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг барачков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке или, вернее, холодушке было человек тридцать. Хотя печка была, но не было дров...

Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3-4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8 февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов.

Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни

шагу. Я умолял, плакал – напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала...

Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку...»

Это из воспоминаний Аркадия Стругацкого, которые оказались у Ани на компе, и я прочел, еще до отъезда из Москвы. Насколько тяжело было нашим людям даже в тылу, при том, что и сама жизнь была беднее. Ничего героического, только тяжелый труд за выживание – и свое, и страны. И те, кто переживут – будут и десятилетия спустя говорить, «только бы не было войны».

Мы, полторы сотни человек, экипаж атомной подводной лодки «Воронеж», неведомым науке путем попавшей из 2012 года в лето 1942-го, были избавлены от этих тягот и лишений. Попали прямо из похода – и поняли, и приняли, что в самой трудной для нашей страны войне придется напрячься сверх обычного, так что обойдемся без межпоходовых домов отдыха и подменных экипажей – а жизнь на борту атомарины одинаково проходит в любое время. Девяносто три только официальные победы, потопленных нами фашистских корабля. Война кончилась здесь в сорок четвертом, и тоже 9 мая. И настал мир. Или подготовка к будущей войне – «холодной», но готовой перейти в горячую, если мы покажем слабинку?

Можно принять, что стоимость постройки такого корабля, как «Воронеж», атомный подводный крейсер проекта 949, примерно равна таковой у линкора. Или же как у танковой армии. Или же – построить нормальное жилье населению немаленького города, где в этом времени у половины даже не комната в коммуналке, а барачная «система коридорная», при совершенно диком уплотнении.

«На одного жителя Москвы в среднем приходилось лишь 4,15 квадратного метра жилой площади. Половина населения столицы жила в коммуналках, другие – в

бараках, и только небольшая часть имела отдельное жильё.

...семья из пяти человек жила в одной комнате, разгороженной деревянной перегородкой.

...четверо (муж, жена, новорожденный ребенок, мать жены) жили в одной комнате на площади 16 квадратных метров.

...семья из пяти человек жила в бывшей кухне, с кафельными стенами, каменным полом и одним небольшим окном».

Это – из документов тридцатых годов. И за годы войны стало хуже – часть жилья была разрушена, разобрана на дрова, и надо было куда-то селить эвакуированных! Условия были такие, что довоенные примеры, приведенные выше (все же отдельная комната на семью!), казались просто раем. И решить в значительной степени жилищный вопрос удалось лишь в шестидесятые, что бы ни говорили про «хрущевки», но именно они, дешевые и быстро возводимые, стали реальной альтернативой баракам, полуподвалам и комнатам в коммуналках. Но это будет – еще через пятнадцать лет.

А мы, пришельцы из будущего, от этого избавлены, даже здесь! В Молотовске (еще не Северодвинске) даже старшины живут, говоря по меркам 2012 года, в «общежитии квартирного типа», по одному в комнате. Офицерам – так и вовсе отдельные квартиры! А лично мне и Анюте четырехкомнатное жильё в Москве, в «генеральском» доме на Ленинградском шоссе. Условия, сопоставимые с теми, что имели там, у себя (ну только бытовой электроники не хватает) – чем в этом времени пользуется лишь высшее руководство, верхушка научной и технической интеллигенции и людей искусства. И это лишь плата за то, что мы совершили во славу советского народа, и аванс за то, что еще совершим, вкупе с верой в то, что мы на это способны.

Победа в той истории стоила нам не только крови. Чтобы обеспечить армию на передовом мировом уровне при более слабой экономике, чем у наших оппонентов, у нас все шло на войну, в оборонку и сопутствующее ей, вроде тяжмаша – а собственно населению оставалось лишь затянуть пояса. При том что немцы до Сталинграда почти не сокращали выпуск потребительских товаров в сравнении с довоенным! В этой реальности удалось на год укоротить войну с

ее расходами и потерями – и я надеюсь, выйдет и сократит траты на ядерный щит, благодаря нашей научно-технической информации, и на кораблестроение, хотя сказал Сталин еще год назад, «советскому атомному флоту – быть», и кипит уже работа на Севмаше, и на Втором Арсенале, как называется тут «хозяйство» Курчатова. И уже запущен исследовательский атомный реактор (вместо 1946 года иной реальности). И еще многие отрасли советской науки получили импульс развития, после знакомства с технологиями будущего (что-то уже внедряется, где-то ведется работа). Так что альтернативный СССР, бесспорно, станет сильнее, и богаче – а значит, и счастливее.

А когда настанет наконец мир – капиталисты козни строить не прекратят, тесен земной шарик для их рынков сбыта и сфер влияния, как заметил еще Ильич – так что всегда будет у них соблазн отнять и поделить. Как в девяностых американская сучка (Кондолиза или Мадлен, не помню уже, да и какая разница?) заявила, что «богатства Сибири должны принадлежать не одной стране, а всему человечеству». А до того, в последние годы СССР, убеждали нас, что капитализм постиндустриальной эры – уже не агрессивный, демократический, белый и пушистый. Один раз поверили уже, хватит!

– Вам, товарищ Лазарэв, дай волю, вы Третью мировую войну начнете? – заметил Сталин. – Не таких ли, как вы, будут очень скоро «ястребами» называть?

– Только если на то последует воля и приказ политического руководства СССР, и никак иначе, – ответил я, – считаю, что долг для любого военного человека это выполнить любой приказ своего правительства!

Понравилось это Иосифу Виссарионовичу или нет – не знаю. Но мое назначение комфлотом он утвердил. И дал напутствие: что советский народ ждет от вас победы, так что постарайтесь надежд не обмануть. Придется постараться.

После уже задумался я над его словами. А возможно ли вообще мирное сосуществование нас и капиталистов? Пришел к выводу, что ответить не могу. Свой опыт на меня давит неодолимым грузом – как поверили мы в это (я ведь то время как раз застал) и чем это кончилось. Вот вы бы простили того, кто вас предал? Может, и есть иной ответ на этот вопрос – но я, будучи лицом пристрастным, ответить не в состоянии. Слишком уж меня жизнь поколотила.

И повезло же этой исторической реальности, что наш «Воронеж» в 1942 году сюда выбросило! А не в разгар Карибского кризиса, через двадцать лет. Когда мы, будучи еще никому не подчинены, а значит полностью свободны в поступках, в ответ на весьма возможное нападение на нас в море, врезали бы термоядерным «Гранитом» по американской авианосной эскадре. И начался бы тогда Армагеддон!

Но это, слава богу, осталось за гранью. Сейчас же у меня других конкретных забот полно. И не уровень комфлота заниматься политикой! Когда в Наркомат ВМФ вернусь, или в Главный штаб – тогда еще посмотрим! А пока – Вождь мне прямой и недвусмысленный приказ дал? Надо исполнять!

– Ай, ай, товарищ Лазарев! – слышался какой-то голосок из подсознания. – Не вы ли в иной реальности (в вашем сне – или как посмотреть?) самым злостным образом не подчинились прямому приказу законнейшего вашего правительства, и отдали приказ о ядерном ударе по Америке[6 - См. «Врата Победы»], чем это кончилось там и для всего мира, и персонально для вас, показать? Там вы свою волю проявили, – а не «за нас думает фюрер», ах простите, Вождь!

Ты что ли, рогатый? – Так нету тебя, брысь в баню! Или у меня уже глюки начинаются, от бессонницы? Я по своей правде поступать буду – а ты пшел вон! И пока что эта правда политике товарища Сталина полностью соответствует!

А из купе рядом все доносится, уже хором:

Дорога, дорога,

Осталось немного,

Я скоро приеду домой.

Да, осталось немного. Всего лишь раздолбать самураев, чтоб не Цусиму впредь вспоминали, а то, что мы им сейчас учиним! И тогда лишь, выполнив эту задачу, я вернусь домой. Где ждет меня Анечка-Анюта – так ведь и не женился я там, в свой сороковник уже! А тут, я даже сына нашего, перед отъездом родившегося, успел увидеть. И пока война не завершится, дороги назад мне нет. Что ж, там нам месяца хватило – думаю, и здесь не затянем.

За Родину, за Сталина – бей самураев! И так, чтобы и сто лет спустя ни один гад про «северные территории» и пискнуть не смел!

США, Уорм-Спрингз. Ноябрь 1944 года

Присутствуют: президент США Франклин Рузвельт, вице-президент Генри Уоллес, государственный секретарь Корделл Хэлл и его первый заместитель Эдвард Стеттиниус, министр финансов Генри Моргентау, военный министр Генри Стимсон, министр ВМС Джеймс Форрестол, начальник ГШ Джордж Маршалл, шеф УСС Уильям Донован

– Джентльмены, рад вас видеть, – доброжелательно приветствовал членов своего кабинета, прибывших на неофициальную встречу Рузвельт, – позвольте предложить вам кофе, сигары или, может быть, что-то покрепче?

Мнения присутствующих предсказуемо разделились – некоторые гости отказались от спиртного, некоторые сочли возможным немного выпить.

– Итак, джентльмены, – открыл деловую часть встречи Рузвельт, после того как долг гостеприимства был выполнен, – сегодня нам следует сформулировать наши цели, которые нам надо будет достичь в Стокгольме. Война выиграна – теперь надо выиграть мир, конвертировав нашу победу в долгосрочную выгоду для Америки. Кто начнет, господа?

– Если вы разрешите, – подал голос Джордж Маршалл, – то начну я.

– Прошу вас, Джордж, – доброжелательно улыбнулся Рузвельт, обладавший редким даром делать своими сторонниками почти всех, тесно общавшихся с ним людей, находя приемлемое для всех, или почти всех, решение – это и объясняло такой состав его команды; иначе трудно было бы представить в одной команде левого Уоллеса и очень правых Форрестола с Донованом.

– Я должен признать, что мой план строительства новой Европы, дружественной США, с опорой на обновленные Германию и Францию, под большой угрозой, – начал Маршалл, – для его реализации требовались три вещи. Первое,

сохранение под нашим контролем большей части Европы – особенно развитых в экономическом отношении стран, нищета с востока вроде Словакии или Болгарии не в счет. Однако никто не ждал, что немцы так быстро сломаются и сдадутся – в итоге на европейском поле мы прижаты к краю, и еще должны делить эту территорию с англичанами! Второе, доллар должен был стать единственной резервной валютой, что позволило бы нам переложить бремя нашей инфляции на плечи европейцев, даже входящих в советскую зону. И третье, война в Европе и на Тихом океане должна была завершиться с небольшим разрывом по времени. Ничего этого не соблюдено – причем если нам удавалось предвидеть ходы британцев, действовавших вполне искусно, но точно так же, как раньше, а значит, предсказуемо, то русские показали неожиданно высокий класс игры на чужом поле. У них прежде хорошо получалось выигрывать войны, но проигрывать мир – теперь же они сделали ряд очень успешных и неожиданных ходов.

Прежде всего, это предложение Сталина о трех мировых валютах – за которое тут же ухватился Черчилль, по понятным причинам. Русские в своей зоне заняты не грабежом, а именно интеграцией экономик захваченных стран в свою, восстановлением промышленности – причем национализация касается прежде всего крупных предприятий, прежние владельцы которых запятнали себя сотрудничеством с нацистами, прочие же заводы остаются частными, хотя в восточноевропейских странах, как в Чехии и Польше, при управлении собственностью создаются так называемые «рабочие комитеты», несущие скорее контрольно-наблюдательные функции; однако же никакого «экспорта социализма» с хаосом и разрушением экономических связей не происходит. Наиболее радикальные меры приняты в банковском секторе – когда финансирование решительно переключается на структуры, подобные Московско-Берлинскому банку, или идет непосредственно через русское оккупационное Казначейство, прежние же игроки или ставятся в подчиненное положение, винтиками в новой системе, или прекращают существовать. Конкретные же промышленные успехи пока ограничены – хотя известно уже, что швейные и обувные фабрики Германии и Чехии получили крупные партии шерсти, кожи, овчины из Монголии. Также начато перепрофилирование заводов «Фольксваген» и «Шкода» с выпуска бронетранспортеров на созданную еще до войны модель дешевого массового легкового автомобиля «Жук»... тут есть шанс вступить в долю и нам, поскольку «Опель», доля в котором принадлежит нашей Джи-Эм, также получил заказ на аналогичную модель «Кадет», предполагавшуюся не только для немецкого, но и для русского рынка. Советы решительно прибрали к рукам германскую химическую промышленность – в докладе, который у вас на столе, приведены подробные цифры, коротко же могу сказать, что выпуск

взрывчатых веществ резко сокращен, зато быстро растет производство химических удобрений, которые уже идут не только немецким фермерам, но и в русские колхозы. Увеличивается выпуск сельскохозяйственной техники, взамен танков и тракторов, изготовление которых прекращено совсем.

- То есть германская танковая промышленность уничтожена? - спросил Стимсон.

- Насколько нам известно, оставлен лишь ремонт уже изготовленных машин и выпуск запчастей, - ответил Маршалл, - хотя немцы, в своей традиции, уже готовят замену. Так, «Даймлер-Бенц» интенсивно работает над некоей универсальной машиной, могущей служить легким вездеходным грузовиком, сельскохозяйственным трактором, артиллерийским тягачом, и шасси для бронетранспортера или бронеавтомобиля[7 - Будущее семейство многоцелевых машин «Унимог»]. В целом же военное производство свертывается на глазах - сохранено изготовление зенитных орудий и артиллерии большой мощности, а также некоторого количества боеприпасов. Однако же не подверглись сокращению авиационная промышленность, военное кораблестроение, производство приборов и средств связи. Причем новейшие истребители Та-152, не успевшие к войне, в значительном количестве поступают в советские части ПВО.

- Развитие «Фокке-Вульфа-190», которые при налетах на Германию доставляли нам массу проблем, - заметил Стимсон, - русские уверяют, что новая техника нужна им ввиду будущей войны с Японией, но мы-то все понимаем! У японцев нет бомбардировщиков, хотя бы сравнимых с В-17 или «либерейторами», не говоря уже о В-29.

- Также на заводах Хейнкеля начат выпуск тяжелого бомбардировщика Хе-277, по своим параметрам стоящего между нашими В-17 и В-29, - продолжил Маршалл, - однако же темп производства, от пяти до восьми машин в месяц, совершенно недостаточен, чтобы создать авиационную группировку, угрожающую нам.

- В сравнении с более тысячей одних лишь В-29, уже находящихся в строевых частях, с опытными экипажами, а также почти десятью тысячами В-17 и В-24, - усмехнулся Форрестол, - это просто смехотворно!

– Мы собираемся воевать с Россией? – спросил Маршалл. – Лично я считаю, что мы должны сначала присвоить себе плоды победы в этой мировой войне, до того как влезать в следующую. Или, по крайней мере, подготовить наш тыл.

Джентльмены, я считал и считаю, что у нас есть все шансы победить в торговой войне. Проблема в том, что Сталин дьявольски удачно выбрал момент – пока не закончена война с японцами, у нас просто нет избытка товарной массы гражданского назначения, которую мы можем выбросить на рынок. Оттого Советы осуществляют свою экономическую экспансию в тепличных условиях – подобно тому, как Гитлер поглощал Европу в сороковом – сорок первом. Но мы знаем, чем это для него кончилось – и потому я не сомневаюсь в нашей конечной победе. Это наше поле, наша игра – вопрос лишь, с каких рубежей мы начнем наступление? А пока приходится отступать с арьергардными боями – но это лишь до тех пор, пока мы не бросим все ресурсы на этот фронт.

– Однако же угроза для Америки недопустимо велика, – сказал Моргентау, – до того, как ваш замечательный план все же заработает, причем в меньшем объеме, все же Германию и Италию мы потеряли, чем мы загрузим нашу промышленность, а ведь послевоенный спад производства неизбежен, если не будет значительного количества иностранных заказов? Раскроете мне секрет, каким образом предотвратить резкий рост инфляции после отмены ограничений военного времени по снятию денег со счетов – если не экспортировать нашу инфляцию европейцам посредством навязывания им доллара взамен национальных валют? Как удержать от экономического коллапса Великобританию, единственного по-настоящему надежного союзника Америки в Европе, если не дать ей возможность хотя бы частично решить ее проблемы за счет Франции. Или вы хотите, чтобы в Англии на выборах победили левые?

– А отчего мы должны защищать британцев? – огрызнулся Маршалл. – Они не только наши союзники, но и конкуренты, черт побери! Пусть выплывают сами, как умеют – можем дать им кредит, под хороший процент! И кстати, не вижу причин, отчего мы должны уважать британский фунт больше, чем франк, рейхмарку, лиру или хоть датскую крону? Давайте договоримся, какой план осуществляем – мой, который все же имеет шансы сделать Америку властелином мира, пусть через некоторое время, или ваш, уже успевший напугать французов? Кстати, не подскажите, откуда про него взялась утечка информации в прессу? Или ваши друзья в Лондоне уже начали свою игру, забыв предупредить нас? Франция сейчас – ключевое звено моего плана, или вы собираетесь американскую экономику за счет Бельгии с Голландией вытягивать, ах да, там еще огрызок Италии болтается довеском и что-то еще по мелочи.

– Простите, Джордж, а не могли бы вы подробнее рассказать, что происходит во Франции сейчас? – Рузвельт был по-прежнему подчеркнуто мягок и доброжелателен. – И каковы наши шансы на успешную игру?

– Если коротко – то это игра на нашем поле, с нашими правилами, и с нашей публикой на трибунах, – заявил Маршалл. – Все дело в том, что французы, в отличие от соседей-немцев, не промышленники, им куда ближе образ рантье. И еще в прошлую Великую войну многие французские заказы за их золото делались на наших заводах, за межвоенный период этот совместный бизнес только расширился, и сейчас в него вовлечена, с выгодой для себя, большая часть деловых людей во Франции, Ротшильды в этом процессе выступают лишь администраторами, распорядителями. Отлично налаженная система, деловые связи, обязательства – всё это очень дорого стоит. И русским, при всей заманчивости их предложений, пока нечего противопоставить – да, они обещают многое, но в весьма туманной перспективе. Советы пока чужие в большой финансовой игре, и никто не знает, как реально будет работать их «рублевая зона». А говорить о допуске французских товаров на рынки СССР и Восточной Европы просто смешно, с учетом зависимости французских промышленников от наших контрагентских поставок. При том что, как я сказал, собственно товары занимают относительно малую долю во французском экспорте, если не говорить о колониях. Франция в основном экспортирует капитал – а русские уже показали, как они относятся к чужим банкирам. Так что в экономическом плане в игре на французском поле у нас преимущество, как в игре чемпиона лиги с дворовой командой. Если только не вмешается политика – на которой русские и пытаются играть.

– Вы согласны с тем, что французам, коль уж с прочих датчан и бельгийцев взять особо и нечего, придется заплатить нам не только в будущем, но и здесь и сейчас? – сказал Моргентау. – Далеко идущие планы это прекрасно, но позволю себе обратить внимание собравшихся на некоторые мелочи. Мировая экономика устроена таким образом, что денежная масса должна находиться в равновесии с товарной массой – от брюк и шляп до заводов и электростанций. Равно должно быть определенное равновесие между спросом и предложением – на произведенный товар крайне желателен платежеспособный покупатель. Перед войной имелся дефицит платежеспособного спроса, поэтому, чтобы обеспечить загрузку имеющихся мощностей, и было принято решение о беспрецедентном увеличении денежной массы – разумеется, ценой многократного роста государственного долга, не говоря уже об иных издержках. Если бы первоначальные планы были реализованы, то ничего плохого не случилось – денежная масса была бы связана в Европе, а доллар стал единственной мировой

валютой, товарное покрытие которой обеспечивал бы весь мир, включая Советы. А сейчас мы имеем полный хаос на мировой шахматной доске. Колонии европейских держав, которые мы планировали включить в систему свободной торговли, выведя из зоны исключительных экономических прав метрополий – надеюсь, вы не забыли содержание «Атлантической хартии»? – дестабилизированы всерьез и надолго, а значит, все планы по превращению их в наших клиентов, покупателей американских товаров, откладываются до неизвестно каких времен. Зато в мировую экономику вдруг вламываются русские, как слон в посудную лавку. Что Сталину удалось договориться с немецкими военными и промышленниками, еще можно объяснить давними связями русских и немцев. Но его сговор с Ватиканом – фактически это союз старой континентальной элиты с русскими коммунистами! Если вспомнить отношение европейской элиты к большевистской революции – нет, я понимаю, что в России были потеряны огромные вложения французов, бельгийцев, немцев, англичан, не говоря уже о том, что никому не хотелось оказаться в подвалах берлинской, парижской, римской ЧК; мне понятно и то, что с точки зрения экономики Вторая мировая война была попыткой реванша континентальной элиты у нашего союза с кузенами за их поражение в Первой мировой войне – как, дьявол их побери, они договорились?! Я этого не понимаю! Я уже не говорю об отношении коммунистов к католическому духовенству и наоборот! Этого не могло быть – но это есть! А расплачиваться за эту чертовщину придется нам – вы понимаете, господа, что на горизонте маячит призрак новой Великой Депрессии, если мы не найдем какого-либо способа решить наши финансовые проблемы?

– Генри, вы немного преувеличиваете, – заметил Форрестол, – но признаю, что проблемы могут быть. Я согласен, что в свете сегодняшнего положения стоит отменить часть заказов верфям, – но настаиваю, чтоб это коснулось лишь тех кораблей, к постройке которых фактически не приступали. Или меня линчуют судостроители. Как вы представляете будущее Америки без мощного флота?

– В таком случае, Джеймс, объясните, зачем вам шесть «Монтан»? – спросил Моргентау. – Если даже мне, штатскому человеку, однако же следящему за ходом войны, ясно, что линкоры уступают свое место опорной силы флота авианосцам. Скажите честно, вы настаиваете на их завершении лишь потому, что первые два, «Монтану» и «Иллинойс» уже успели спустить на воду, а «Огайо» и «Мэн» к этому близки? Понимаю, что адмиралам хочется наиграться в кораблики с большими пушками, – но я обязан думать, во сколько это обойдется казне.

– Господа, я, как солдат, обязан думать о безопасности Америки, – сказал Форрестол, – если после разгрома Японии в мире останутся лишь две силы, сопоставимые с нами и, теоретически, могущие быть нашими противниками. В случае гипотетической войны нас с Россией, или с Британией, одним из основных театров становится Северная Атлантика, с примыкающими к ней арктическими морями. Зимой там настоящий ад, хуже лишь у мыса Горн и в «ревущих сороковых». Посадка на авианосец в полярную ночь, при качке, в снежный заряд – это цирковой номер или занятие для самоубийц, а волнение там всегда. И на взгляд экспертов из моего штаба, где-нибудь возле Мурманска зимой линкор гораздо боеспособнее авианосца. Разумеется, если вы поклянетесь на Библии, что война с русскими абсолютно исключена...

Какое-то время стояло молчание.

– Джентльмены, таким образом, с одной стороны, мы в долгосрочной перспективе заинтересованы в превращении Франции в нашего клиента, верного и платежеспособного, с другой же – нам жизненно важно что-то получить с них немедленно, как и бульдогу Уинни? – спросил Рузвельт. – Что ж, мне кажется, я нашел выход. Чем русские пугают несчастных французов?

– Вот, – Маршалл достал газету, – «Юманите», рупор парижских коммунистов. Французы, вы вольны выбирать между превращением в протекторат Англии и США и положением действительно суверенной, нейтральной страны. В первом случае французская экономика попадает под американо-британский контроль, де-факто ее рынок сбыта будет ограничен частью собственно французского рынка, поскольку янки и англичанам надо будет сбывать свои товары, а с рынка Центральной и Восточной Европы французов просто выкинут, и о рынках колоний тоже придется забыть. Политически же, если Франция станет англо-американским плацдармом в Западной Европе, то точно так же она может превратиться в поле боя будущей войны. И конечно, вы заплатите огромную контрибуцию, о которой уже открыто говорят в Лондоне, а также получите переход собственности в чужие руки, беспощинный наплыв чужих товаров, разоряющий французского производителя. Что, кстати, свидетельствует, насколько русские слабо знают реальное положение во Франции – тот факт, что французские активы в США гораздо больше, чем таковые в Восточной Европе, ну а про «французского производителя» я уже сказал.

– Полагаю, было и то, что не вошло в газеты?

– Именно так, мистер президент, – вступил в разговор Донован, – установлено, что часть французской деловой элиты (список лиц и содержание беседы прилагается) через представителей Ватикана вышли на русских и зондировали почву, что им может предложить мистер Сталин. Соглашения не достигли, по уже прозвучавшим здесь причинам. Во-первых, французы категорически не хотят разрушать свой американский бизнес, а это, я повторю, и вложенные активы, и налаженные деловые связи. Во-вторых, со стороны русских пока наличествуют лишь заявления о намерении, проект еще не реализованный, а потому его прибыльность есть неизвестная величина. Хотя русские предъявили не только пряник, но и кнут – пообещав, что об организации колхозов в Шампани и Бургундии речи не пойдет, они тут же объявили, что за французские войска на Днестре и карательные операции в Белоруссии придется заплатить. Цена была названа – половина капиталов, инвестированных в советской сфере влияния плюс юридически оформленное списание всех средств, некогда вложенных в Российскую империю, совмещенное с возвратом царского золота – примечательно, что был даже торг, следует ли французам платить проценты с этого золота, в итоге русские милостливо согласились снять это требование. Да, «пряником» еще было обещание Советов приложить все усилия для минимизации англо-американских контрибуций, допуск французских товаров на контролируемые СССР рынки и предложение стать основным торговым мостом между русскими и англосаксами. И гарантии военной безопасности Франции – в виде заключения договора о ненападении между Францией, СССР и Германией, подкрепленного вступлением французских и бельгийских концернов в проталкиваемый русскими Европейский союз угля и стали.

– Что ж, джентльмены, мы покажем зарвавшемуся Джо, что такое игра в высшей лиге, – сказал Рузвельт, – поскольку официального оглашения нашей позиции по французскому вопросу еще не было. Завтра по закрытым дипломатическим каналам до французов дойдет информация, что в Правительстве США борются две точки зрения: одна, уже известная им, от мистера Моргентау, ограбить так, что Бисмарк покажется благодетелем, и вторая, более разумная, «Франция, это витрина, бастион и торговый мост западного мира». И пусть в Париже решают: или они принимают сторону русских, тогда у нас берет верх первый вариант, и еще мы спускаем с цепи английского бульдога – останется ли после во Франции что-то дороже пяти центов, это большой вопрос, и Сталин никак им не поможет, не защитит, просто потому, что во-первых, это наша зона, с нашими войсками и администрацией, а во-вторых, мы ведь тогда можем потребовать контрибуции с Германии, с чего это русские ведут там свои дела в одиночку? Или же французы принимают наши условия – причем в обмен на то же самое, что обещали им русские: минимум платы британцам, допуск на американский рынок

(как я сказал, товаров к нам они практически не экспортируют, а с их уже вложенными активами выйдет просто сохранение статус-кво), предложение стать торговым мостом между западом и востоком (но уже на наших условиях, и что-то мне кажется, русские не будут категорически против), ну и гарантия безопасности в виде договора о взаимной защите с США (законное основание для наших военных баз на французской территории). Вот только наше предложение, в отличие от русского, будет иметь твердое обеспечение. И я готов держать пари, что французы согласятся – сороковой год показал, что они очень благоразумный народ.

– Все хорошо, но какая-то плата нам необходима сейчас, – упрямо сказал Моргентау, – может, не в таком размере, как по худшему варианту, но все же...

– Генри, мы же джентльмены, – напомнил Рузвельт, – которые сами устанавливают правила. После того как выбор будет французами сделан, всегда можно что-то изменить, а уж найти предлог... Помнится мне, сами галлы так же поступали в захваченных колониях: увеличивали подати, возлагаемые на население, не сразу, а постепенно, во избежание бунта. Может быть, это и не потребует, если все же сумеем бюджет и так свести. В конце концов, сами французы не отказываются от того, что они, как Еврорейх, должны что-то заплатить победителям? Пусть платят!

– Англичане будут категорически недовольны, – сказал Хэлл, – в этом варианте они решительно за бортом, не получают ничего.

– С учетом того, сколько они нам должны, их возражения просто неуместны, – ответил Рузвельт, – и если бедный Уинни станет жаловаться на пустую казну, мы поможем ему кредитом, как добрые христиане. Есть еще вопросы?

– На кого во Франции ставим? – спросил Уоллес. – Тассиньи слишком «пробританская» фигура.

– А чем вам не нравится Де Голль? – спросил Рузвельт. – Мне он показался вполне разумным человеком. И если он будет с нами с самого начала – значит, уже не сможет быть против нас. Хотя если он не согласится, будем искать замену.

Юрий Смоленцев.

В 2012 году старлей, подводный спецназ СФ

А все же Де Голль – сволочь! Хотя и раньше я слышал: что для простого человека подлость, для политика – удачный ход.

Так неужели и меня таким пытаются сделать? Как сказал Пономаренко (хотя не он мне приказ отдавал и задачу ставил – но при том присутствовал), «ухорезов у нас сейчас много, умных и знающих не хватает». И оказались мы с Валькой на подхвате у контр-адмирала Большакова, на тот момент главы Советской Контрольной Комиссии в Европе. Три года назад, в 2012 году, Андрей Витальевич был простым кап-3, старшим нашей группы спецназа СФ, прикомандированного к атомной подлодке «Воронеж». И вот теперь – большой человек стал!

В Париж на несколько дней. Командир наш вроде чрезвычайного посланника к Де Голлю – ну а мы, как туманно сказано, «прикрыть и посмотреть». Надеюсь, как в Киеве, не будет – тоже на пару дней слетали? В скольких европейских столицах я уже побывать успел? Варшава, Будапешт, Рим, Берлин – список городов, где я бывал: стрелял, взрывал, убивал. Хотя лучше бы без этого – тихо пришли, сделали то, что приказано, и так же тихо исчезли. Время сейчас такое беспокойное – и не надо говорить, что уже полгода как закончилась война! Там, где мир и тишина – туда нас не посылают!

– Вся власть Учредительному Собранию, – перевел Андрей Витальевич плакат, – прямо как Петроград восемнадцатого года.

Или Париж же сто лет назад. Еще когда мы за ураном от «Манхеттена» ходили[8 - См. «Белая субмарина».], по пути туда на атомарине нам делать особо нечего, кроме как на койке в каюте лежать и читать. А библиотеку нам давно на берег свезли, для изучения, своей заменили. Что там прочесть – попались мне вместо классики Маркс с Энгельсом, что-то там про восемнадцатое брюмера и 1848 год – начал читать со скуки, так удивился, насколько похожи наши девяностые и Франция полтора века назад. Там еще после Наполеон-племяш повторил деяние своего дядюшки – вошел с солдатами в парламент, Собранием называвшийся, и заявил, что подумал и решил отныне править единолично, а вы все пошли вон.

– Собственность, семья, религия, порядок! Франции нужен мир!

Мальчишки-газетчики заголовки выкрикивают, Большаков переводит. А я по-французски не разумею, хотя вроде на итальянский похож. Когда твоя любимая жена, «носитель языка», тут через пару месяцев будешь сам говорить совершенно свободно! А с французами такой практики не было, даже с Кусто в Марселе я по-итальянски объяснялся, в Южной Франции язык римлян многим знаком. Но мы-то в Париже сейчас!

– Французы, нужна ли вам диктатура Де Голля? Неужели вам еще мало войны?

По улицам маршируют «батальоны республиканской безопасности», бывший Первый Корпус «сражающейся Франции», генерала да Тассиньи – в английской форме, только трехцветная французская кокарда на черных беретах и нашивка «France» на рукаве – в отличие от Второго корпуса Де Голля, обмундированного и вооруженного по-советски. Хотя номинально генерал остается главой «свободной Франции», реально в Париже распоряжается Тассиньи, назначенный Главным военным администратором Франции, по праву первого вступившего в Париж (2-я танковая дивизия Леклерка принадлежала к его корпусу). Против этой традиции, законного права триумфатора, даже сам Де Голль не возражает, вслух и публично. Вот только как-то незаметно, и с помощью союзников, Тассиньи Де Голля от реальных рычагов управления оттеснил, по крайней мере в Париже. Возникла еще одна власть, аппарат Военного администратора – всем непонятливым отвечают, там же все люди из «сражающейся Франции», какие вопросы... вот только «сражающиеся» тоже разные бывают, хотя о том не принято говорить, есть те, кто с Де Голлем пришел из СССР, а есть те, кто остался с де Тассиньи в Англии, и кто в администрации, вам объяснить, или сами догадаетесь? В строгом соответствии со Вторым Штутгартским Протоколом, именно де Тассиньи, по поручению союзников, замкнул на себя всю практическую работу по организации гражданской власти, фильтрацию местных органов, полиции и жандармерии – причем под предлогом «нелояльности», «подозрению в сотрудничестве с оккупантами» выгоняют не только коллаборационистов, но и людей Де Голля, оставляя лишь угодных англичанам!

А дальше – созыв Учредительного национального собрания (поскольку то, прежнее Собрание, разогнал Петен, и оно, по присоединению Франции к Еврорейху, как бы утратило законность). Учредительное собрание примет Временную Конституцию уже новой, Четвертой Республики – где будет подробно расписана система выборов на всех уровнях – и утвердит состав переходного

Правительства, исполнительной власти до утверждения постоянного Правительства Республики. Генерал де Латр Тассиньи, как отвечающий за ситуацию в стране во время всего процесса, скрепит своей подписью «решение о признании выборов состоявшимися», собственно Учредительным собранием. Затем акт должен подписать глава союзной Военной администрации. С началом первой сессии по утвержденной во временной конституции процедуре депутаты должны утвердить первый кабинет IV Республики. И самой первой задачей Национального собрания станет отработка и определение процедуры принятия уже постоянной конституции Республики.

- За скорейшее заключение мирного договора! Вернем Франции прежний статус великой державы!

Какой первый внешний признак неблагополучия государства? Когда блошные рынки повсюду – вспомните наши девяностые. Так и в Париже сейчас торговали всем и везде – был бы антикваром, со временем и деньгами, столько бы интересного найти мог! Причем продавцами нередко были не местные (эти-то как раз понятно), но и американские военные, и в чинах – сам видел, как целый подполковник ходил по рынку со связкой наручных часов, налетай, покупай, кто желает? Едва удержался от того, чтобы подойти и спросить, ну и нахрен ему это надо? Тем более что часы, скорее всего, были краденые – нам рассказали в посольстве, что тут союзники мародерят, нам такое и не снилось! Причем чем выше звание, тем больше аппетиты – рядовые тащат сумками и рюкзаками, офицеры грузовиками, генералы поездами и пароходами. И это явление уже получило название «хаулиганизм», в честь особо отличившегося на этом поприще американского генерала Хаули. Который не брезговал присвоить даже эшелон с цементом – коль уж есть приятели на нью-йоркской бирже, где все можно легко продать! С нашими не сравнить – про деяния маршала Жукова, расписанные демократами в «перестройку», я наслышан, вот только не было в СССР товарных бирж, так что при желании не продашь, например, партию немецких пулеметов куда-то в Бразилию или Уругвай (еще один подвиг мистера Хаули), поневоле приходится ограничиваться личным потреблением. И если у нас с мародеркой всерьез боролась военная прокуратура, то у янки эта обязанность была возложена непосредственно на командиров, теоретически должных следить за подчиненными, ну и какой офицер-фронтовик станет своих людей наказывать за набивание рюкзаков?

- Франция должна заплатить за свое членство в Еврорейхе! Покаяться, признать вину и заплатить за ущерб – лишь тогда соседи нас простят!

Надо отметить, что Париж пострадал мало. Хотя попадались дома, так и не восстановленные еще с мартовской бомбежки сорок третьего, полтора года назад, – но перед многими другими французскими городами, при штурме разбитыми англо-американской авиацией до состояния щебенки, как день и ночь! Повстанцы (здесь, как и в нашей истории, было выступление партизан в последние дни) и войска «сражающейся Франции» генерала де Тассиньи, первыми вступившие в Париж, старались щадить свою столицу, ну а немцам уже не хватало ни боеприпасов, ни желания драться по-настоящему. На разборке завалов совсем не было видно пленных фрицев, как в наших городах – зато мелькало множество каких-то восточных рож. Что, эпоха толерантности наступила раньше времени – нет, это турки и арабы, которых Исмет-паша успел продать в Рейх, рабочей силой, теперь их и запрягли на неквалифицированный труд, копать и таскать.

– Работайте, негры, солнце еще высоко, – буркнул Валька, глядя на эту картину, – интересно, а куда они пленных немцев дели?

– Ясно куда, – отвечаю, – в свой Иностранный Легион загребли, как было уже.

А в целом Париж мне показался город как город! Хотя отец-адмирал наш, Лазарев Михаил Петрович, когда мы еще в Москве с ним разговорились, признался, что его тоже тянет на Париж взглянуть – не на Лондон, Берлин или Нью-Йорк. За тем же, что и мне – увидеть, сравнить. Может, это в нас гены предков говорят, которые Францию за эталон считали? Так вроде не было у меня в родословной дворян, с Волги мы... прапрадед у меня вроде по купеческой части был, а впрочем, не знаю. Впрочем, тот старый Париж, что знаком нам по романам Дюма, был практически полностью снесен и перестроен еще в середине девятнадцатого века, вместо тесных кварталов с лабиринтом узких улочек – многоэтажные доходные дома и широкие прямые бульвары, вдоль которых так удобно действовать артиллерией, подавляя беспорядки, тут ведь еще до Коммуны было, год 1830-й, 1848-й. Парижского шарма и вкусов я тоже как-то не заметил – а что до парижанок, так на мой взгляд, и в Москве и в Риме девушки и красивее, и наряднее. И взяла с меня Лючия клятву, что «ни на одну французскую шалаву даже не взгляну»! Да куда же я от тебя денусь, мой галчонок – вот успею домой вернуться до того, как ты мне наследника родишь, или приеду и увижу? А парижанки мне совсем не показались – было бы на что смотреть!

Успел уже увидеть, и не раз, как толпа гнала, поодиночке или группами, наголо остриженных женщин, облитых грязью и помоями – премерзейшая картина! Это наказывали тех, кто с немцами себе позволил, как в Еврорейхе называли, «вместе работать, учиться, влюбляться и отдыхать». Но и в обыденной жизни среди прохожих на улице таких «немецких шлюх» легко можно было узнать, так как им было запрещено покрывать бритые головы, даже в холод. И любой мог сказать: пойдём со мной, раз ты не отказывала немцам, то не смеешь отказать доброму французу, а тем более английскому или американскому солдату! Впрочем, я видел, как американцы днем, при всех, подходили к любой француженке, показывая купюру или упаковку чулок. Видел, и как однажды трое солдат-янки тащили в джип девушку (не бритую!), она визжала и пыталась отбиваться, а все на улице делали вид, что ничего не замечают. Ничего подобного не могло быть в Италии, да и в нашей зоне на юго-востоке Франции, вокруг Марселя! Здесь же нам строжайше было приказано не вмешиваться, во избежание провокаций – это не наша территория, и не наши проблемы!

Глядя на доблестных союзников в Париже, у меня возникало стойкое дежавю с Римом до начала событий – еще не тронутый войной, веселящийся город, и немецкие морды на улицах. Точно так же английских и американских военных в Париже отличала не только форма, но и самодовольное выражение на лицах, хозяев жизни, как у дойче юберменьшей. На второй день здесь я и Валька зашли в кафе-бистро. После того как пару часов болтались по улицам – святое правило, раз уж попал сюда, ознакомься с территорией, карта и опрос знающих людей это само собой, но личной рекогносцировки ничто не заменит. Нырjali в проходные дворы, в одном нас даже пытались ограбить, ну баловство одно, какие-то трое апашей, даже не с огнестрелом, а с ножами – решили, наверное, что двое чистеньких штатских (мы были не в форме) испугаются их грозного вида? Совершенно не обратив внимания на некий длинный предмет у меня в руке, завернутый в газету. Мы же не в Голливуд играем, даже от этой шантрапы по дури можно было стать «трехсотым» и выйти из строя, так что обошлось все предельно быстро, без красивых сцен и долгих нравоучений, ну не играет нож против нунчак, а работать против них, не имея ствола, это надо быть Брюсом Ли или Чаком Норрисом. А после зашли в бистро, где уже сидели трое американских военных (система званий у них сложная, и нашего аналога не имеющая, вот как перевести, например, «главный дивизионный сержант»?).

Нам по барабану, мирно проходим, делаем заказ, садимся поодаль, лицом к двери, это уже на автомате. Кроме нас и янки, еще какие-то французы обедают. И тут входят еще двое американцев, судя по возгласам, знакомые присутствующей тройки. Желают присоединиться, один свободный стул

находится сразу. Американец хлопает по плечу одного из французов, тот встает, янки спокойно забирает его стул и двигает к своим (пять шагов к свободному столику, чтобы оттуда взять, сделать было лень). Наглеж – однако же не наши проблемы.

Доели, встаем, тихо-мирно выходим. И тут один из янки, тот самый, что стул отбирал, встает и хочет отвесить мне пенделя! Дурачок, это блокируется легко, и рук поднимать не надо, просто разворот «от бедра», вторая рука на подхват, настоящий «май гири», так хрен возьмешь, пробьет, ну а хулиганский пендель нефиг делать! Его стопа в захвате, повернуть носком внутрь и до упора – оп-па, янки летит мордой вниз, и с воем, тут минимум разрыв сухожилий, а если еще и мелкие кости в стопе переломаны, срастаться будет долго! Остальные, надо думать, к дракам привычные, вскакивают – вот только двоим пока стол мешает, третьим Валька занялся, а самому ближайшему я, мгновенно переключившись (хромой валяется и не мешает пока, а затопчут, его проблемы) влепляю с правой ноги «его-гири» в живот, он воет и падает. Валька своего уже уложил, а вот теперь может всерьез начаться, если янки, оставшись двое против двоих, решат стрелять, тогда их валить придется, у меня метательные ножи в обоих рукавах закреплены, как раз полсекунды-секунду выиграть, чтобы после пистолет достать. Нет, на кулачках пытаются, ну тем хуже. Простите, мне с вами возиться некогда, еще на шум ваши приятели заглянут или патруль, так что достаю нунчаки. И сверху, по рукам, снизу ногой в бедро или в живот, работает безотказно! Все это занимает меньше времени, чем рассказ о том – вылетаем из бистро, в спину нам злобный вопль:

– Мы вас еще найдем, паршивые лягушатники!

Ну, ищите, не жалко. Французам не завидую, кто под горячую руку мстителей попадет – но это уже их проблемы. Ну что стоило Де Голлю поторопиться и войти в Париж первым? А теперь терпите, раз впустили гостей.

Через три квартала патруль у нас документы спросил – англичане. Стали любезнее, услышав, что мы русские, из посольства. Предупредили, что «скоро тут может быть опасно – возможен бунт».

– Я из Ковентри, – сказал английский лейтенант, – нам к разрушенным домам возвращаться, а эти еврейховцы, лягушатники, не желают платить за горшки, что побили на нашей кухне? Нет уж, мы все с них взыщем, чтобы было честно!

Что готовят союзники для Франции – можно было узнать из «Юманите» еще месяц назад. Полная свобода торговли для английских и американских товаров. «Капитализация» по списку французских фирм, то есть выпуск дополнительных акций в свободную продажу – очевидно, что результатом будет скупка иностранцами контрольных пакетов. Обеспечение франка не только золотом, но и долларами и фунтами, то есть, по сути, импорт американской и британской инфляции. Особый, секретный договор, по которому вступление в должность президента и премьер-министра Французской республики должно согласовываться и утверждаться в Вашингтоне. Ограничение армии самой минимальной численностью, при запрете иметь военную авиацию, линкоры, подводные лодки – или же отсутствие ограничений, при условии подчинения французских вооруженных сил некоему «Западноевропейскому оборонительному союзу», то есть по факту английским генералам. Американские и английские военные базы, аэродромы, гарнизоны на французской территории. Если это не конец французского суверенитета, то что тогда?

Причем мы, советские, из источников, которые разглашать не берусь, точно знали, что это правда! Что для французских обывателей промелькнуло как «одно из мнений», на фоне множества других, а также воплей о будущем «осовечивании» и «околхоживании» стран советской зоны; вот только на редакцию коммунистической газеты буквально через два дня напала толпа неустановленных личностей и устроила погром. И как раз после в прочей прессе резко усилились вопли о возможной «диктатуре» Де Голля в союзе с коммунистами. Откуда-то возникли банды фашиствующих молодчиков, наподобие довоенных кагуляров[9 - В 30-е годы французский аналог НСДАП.], на этот раз под патриотическими лозунгами, «бей левых ради порядка», «нам не нужны подвиги – нам нужен мир». Уже доходили сведения из провинции, что выборы в Учредительное собрание на местах часто напоминали «сицилийскую демократию» дона Кало. Что же будет твориться на выборах в Национальное собрание – по правилам, которые утвердит такая «учредилровка»? И есть ли сомнение, что такое Собрание послушно проголосует за все, что укажут Лондон и Вашингтон?

Когда мы вернулись в посольство, то получили выговор за то, что ввязались в драку. А если бы это провокация была, чтобы вывести вас из строя? Если бы американцы начали стрелять? Да и в рукопашке – их же пятеро было, против вас двоих!

– Ситуация была под контролем, – отвечаю я, – и трое стали небоеспособными в первые две секунды. А прочие – кто схватился бы за пистолет, тот покойник. Так что вероятность получить ранение для нас была совсем невелика.

– Но все же была! – сказал третий секретарь посольства (и наш куратор), – а нам завтра назначено, быть у Генерала. И вы тоже – может быть, его заинтересует встреча с «тем самым» Смоленцевым, кто фюрера брал.

Мы как пионеры – всегда готовы. Тем более что встреча полуофициальная, а значит, и парадные мундиры не нужны. Де Голля я издали уже видел, весной, когда он торжественно вступал в уже освобожденный нами Марсель, во главе колонны своих войск, сидя верхом на башне танка В-1 (нашли же раритет, привет из сорокового года!). Понятно, зачем нам сейчас нужен Генерал – патриот подлинно независимой Франции, а не американской подстилки. Союзники уже сейчас вспомнили, хотя всю войну его Генералом называли – что формально, по Уставу, его бегство в Англию в сороковом было дезертирством со службы, причем на тот момент его представление на чин бригадного генерала правительство еще не успело утвердить! Так что, полковник де Голль, вот вам орден за заслуги, и почет, как спасителю Отечества, и даже генералом в отставке, с пенсией и мундиром, сделать вас можем, – но политику оставьте другим, а вы мемуары пишите, и выращивайте виноград. Ну а Франция в этой истории станет аналогом ФРГ из нашего мира – оплотом НАТО, набитым американскими войсками. И нафиг это СССР?

На аудиенции присутствовал еще один человек, представленный Генералом как Армад Мишель, начальник его личной охраны и «просто хороший друг». А также переводчик – ведь вам, мсье Смоленцев, легче будет говорить на родном языке? Что за фрукт, вот не было его в нашей картотеке, из эмигрантов, что ли – ведь после революции и Гражданской очень многие белогвардейцы в Париже осели. Если так, то во втором поколении, молод слишком, чтобы быть из «поручиков Голицыных». Но явно волчара – когда после любезностей перешли к моему рассказу (в общедоступной редакции), как фюрера ловили, то все понимает быстро, не переспрашивая, и переводит сразу, не задумываясь, подбирая слова. Будет мне лишняя забота дома – в рапорте подробно эту новую фигуру описать, чтобы отныне его в раскладе учитывали.

И вот дошло до обсуждения главной темы.

– Господин генерал, на посту президента вы были бы куда предпочтительнее для СССР, – сказал Большаков, – мы заинтересованы в сильной, подлинно независимой Франции, ведущей собственную политику. Которую можете обеспечить лишь вы, а не Тассиньи и не какая-либо иная фигура. И нас интересует, что вы намерены предпринять, в свете последних политических событий.

– А не ваша ли сторона в Штутгарте, при подписании капитуляции Германии, выкинула нас из числа победителей? – резко ответил Де Голль. – А теперь вы озабочены последствиями?

– Генерал, я надеюсь, вы не собираетесь теперь, как на востоке говорят, «повеситься на воротах своего врага»? Объективно у СССР и Франции сейчас наличествует общий интерес. И не в статусе дело – взгляните на ваших соседей-испанцев, от которых янки и британцы не получили ничего! Да еще как бы должны не оказались, за «Гибралтарский инцидент». Когда крейсер «Канариас» был без всякого повода потоплен британской подлодкой, что, как считается, послужило поводом для присоединения Испании к Еврорейху.

Ага, британцы! При мне топили – я же тогда на борту «Воронежа» был. Но о том промолчу. И англичане, наверное, догадываются – но докажите? А может, там немецкая субмарина была?

– Я знаю, что было на конференции в Мадриде, – ответил Де Голль, – когда Святой престол, СССР и каудильо выступили единым фронтом, а Лондон и Вашингтон даже между собой не могли договориться и, конечно, проиграли. Но Франция – не Испания и тем более не Италия. От меня-то вы что хотите?

– У вас не будет другого шанса, Генерал, – говорит Большаков, – нация помнит героев, но так же быстро забывает тех, кто отказался от борьбы. Признаю, что вы имеете некоторые проблемы, – но все же положение намного легче, чем в сороковом, когда вы не подчинились Петену. Не могу поверить, что вы не ведете какую-то свою игру – это ваше право, но согласитесь, любая игра будет успешнее, если ее согласовать с теми, кто заинтересован в успехе не менее вас.

Вспоминаю, что было в нашей истории. Там Франция вошла в число победителей. И Де Голль, в чьих заслугах никто не сомневался, вполне мог позволить себе «взять отпуск»: а когда эти недоумки напортачат, то позовут меня, спасать

Отечество! Ну а если не напортачили бы – то могу предположить, что Генерал, все же не мальчик уже, вполне бы удовлетворился житьем на покое и писанием мемуаров, порядок ведь в стране! Вот только сейчас положение совсем иное – кажется, союзники всерьез вознамерились взыскать с Франции все свои убытки, причем так, что Бисмарк с его пятью миллиардами контрибуции покажется добрым благотворителем! И если это удастся, то ходить французам с протянутой рукой как минимум до конца столетия! Неужели Де Голль этого не видит – ведь не дурак же?

– ...требования англичан о возмещении вами их убытков незаконны, – говорит тем временем Большаков, – что с того, что Петена избрал президентом законный парламент? Если после Петен разогнал парламент и отменил конституцию, на что права не имел. То есть с этого момента он узурпатор, и любые его решения, в том числе и по вступлению в Еврорейх, незаконны! Ну а после того, как немцы сгноили Петена в концлагере и поставили Францию под управление своих генералов, вообще ни о каком участии Франции в Еврорейхе говорить не приходится! Что до французов, служивших Гитлеру, так вы, формируя свой корпус из пленных, взятых нами на Днестре, наслушались историй об их «добровольности» – когда людям предлагали выбирать – концлагерь за саботаж или добровольцем на Восточный фронт? Впрочем, если и были те, кто шли по-настоящему добровольно, так их и будем судить, ну а Франция тут при чем? У Гитлера были добровольцы из Швеции, Швейцарии, – но никто не говорит об участии этих стран в Еврорейхе? Был даже Британский Легион СС! А как на оккупированных немцами Нормандских островах британские чиновники исправно исполняли приказы немецких комендантов, а «бобби» патрулировали вместе с фельдшардами? И вообще, не англичанам обвинять французов – после Мерс-эль-Кебира, Дакара, Мадагаскара, случившихся еще до Еврорейха, когда Виши официально считался нейтральным!

– В политике, в отличие от уголовного суда, действуют иные правила, – усмехается Де Голль, – вердикт выносится заранее, исключительно из политической целесообразности и реального соотношения сил. А всякие юридические формальные ухищрения нужны лишь... Как когда-то один наш король сказал министрам: «я буду действовать, а вы после искать законные объяснения моим действиям!» И нет дураков спорить – кому дорога голова на плечах, а не на плахе! А еще я могу привести слова Ленина, который сравнивал вашу страну после революции с «человеком, которого избивали до полусмерти – и оттого не следует ждать от него героизма». Так и Франция устала, никто не хочет дальше воевать. Вы же хотите, чтобы французы опять шли на баррикады, за ваши интересы? При том, что солдаты Тассиньи получают жалованье в

британских фунтах – да и англичане, возмущенные, что мы, бывший Еврорейх, не хотим возмещать убытки, станут стрелять в нас без колебаний. Но зато ваша, советская позиция в Европе многократно усилится. Ценой жизнью многих французов и урона их собственности!

Верно, французы – куркули еще те! Видел я под Марселем французскую деревню – дома как крепости, каменные, обычно двух-, даже трехэтажные, с огромным подворьем, сараями, конюшнями, все забором обнесено. Они тут все куркули – нет, оказывается, труд многих поколений, можно встретить крестьян, помнящих свою родословную подобно дворянам, со времен Ришелье, а то и Столетней войны! И очень боятся все потерять – ведь если на все это упадет шальная бомба, то не помогут ни соседи, ни государство, ни у кого не будет до этого дела и лишних средств. Помня, что творилось у нас в раскулачивание – что же будет, когда заморские дяди попросят этих поделиться честно нажитым?

– Это в наших общих интересах, – говорит Большаков, – неужели вы не понимаете, что «общий рынок» вас разорит? И никогда не будет сильной, богатой, суверенной Франции – за нее все решать будут в Лондоне и Вашингтоне!

Я слушаю и не понимаю. Не мог Генерал сдаться так легко – даже если шанс на успех невелик. Во Франции оккупационная администрация и англо-американские войска – и даже часть «свободофранцузов» под командой Тассиньи открыто на их стороне, они зальют кровью любое выступление! Так что будь я на месте Де Голля... пожалуй, тоже не вступил бы в безнадежный бой, но ведь и он в сороковом, когда все было кончено, вовсе не бросился с гранатой под немецкий танк, а улетел в Англию, выступив с заявлением, что продолжает сражаться. Цинично рассуждая, выигрышным ходом с его стороны было бы устроить в Париже восстание, «вторую Коммуну», а самому, погромче кукарекнув, удирать в нашу зону на юго-востоке, от Лиона до Марселя и Ниццы. Эта версия обсуждалась у нас в посольстве – было даже высказано предположение, что Генерал попросит у нас карт-бланш, бросить на убой местных коммунистов, местью за Штутгарт. И было сказано, что СССР не будет возражать!

– Все, что нужно Франции сейчас, это мир, – заявляет Де Голль, – как некий французский генерал сказал великому Наполеону, на его гнев по поводу сданной крепости. «Мой император, у меня было на то тридцать причин – во-первых, совершенно не было пороха». И Наполеон ответил: мне достаточно этой

причины, остальные можете оставить себе. Французы устали, и не будут воевать ни за чью идею. Вот мой ответ – и я не вижу смысла в нашем дальнейшем разговоре. Однако же, будьте уверены, что если мне понадобится от вашей страны содействие, то я за ним обращусь. А свои проблемы мы решим сами. Честь имею!

Полный аут! И когда мы уже встали из-за стола, ко мне подошел Армад Мишель, обменявшийся парой слов с Де Голлем. И сказал по-русски:

– Товарищ майор, можно вам просьбу? – протянул мне листок бумаги.

Там было написано – Ахмедия Джабраилов, Азербайджан, район Шеки, село Охуд.

– Это я, – сказал начальник охраны Де Голля, – сержант разведроты... полка... дивизии РККА. Раненым попал в плен в мае сорок второго, под Харьковом, здесь во Франции бежал, партизанил. Нашим передайте, что живой я, не без вести пропал, и присяге не изменил. И после вернусь обязательно – вот только не могу сейчас Генерала оставить. Как только наши здесь победят – так и вернусь[10 - В нашей истории А. Джебраилов, «Армад Мишель», личный друг Де Голля, вернулся в СССР в 1951 году. Работал агрономом в родном селе. Встречался с Де Голлем в его приезд в Москву в 1965-м. Трагически погиб в 1994-м.]

У машины на площади меня ждал не только Валька, но и какой-то британский офицер. Подошел, представился и сказал:

– Мистер Смоленцев, официально уведомляю вас, что генерал де Латтр де Тассиньи подписал Акт час назад. Честь имею!

Это он про Акт, который послезавтра должны? Англичане меня за руководителя команды ликвидаторов приняли, «нет человека, нет проблемы»? И теперь сообщают, что Тассиньи (наверное, напуганный до ужаса) свою власть уже Собранию передал, так что убирать его нет смысла? Вот репутация – и что мне с ней делать? Скоро еще и на улице узнавать начнут, черт побери!

Мы не уезжали еще несколько дней – как англо-французы из Москвы в тридцать девятом, после подписания пакта Молотова – Риббентропа. Ждали, что Генерал одумается или решит открыть карты? Пока же иногда болтались по улицам – и

когда зашли в один из вечеров я и Валька в то самое бистро, ввалилась толпа американцев, голов с десяток. А пара морд точно знакомые – кого мы тогда побили! Вот только мы сейчас в форме, со всеми регалиями – а это уже другой правовой статус, подозрительного штатского пристрелить могут, в посольстве рассказывали, были уже прецеденты, а вот офицера союзной армии – это будет полный беспредел и проблемы всем причастным. Короче, стрелять вряд ли решатся – а так мы вдвоем справимся, хотя мебель поломаем! Суки, вот если мне хоть одну звездочку с груди оторвут, я точно кого-то пришибу!

Узнали. Но вместо того чтобы толпой в драку – сначала один подходит, на морде фингал виден еще.

– Рашн?

– Русские, – отвечаю, – чего надо?

А тот в ответ заулыбался и стал говорить, что извиняется за тот случай, ну вы сами виноваты немножко, что же сразу не сказали, что не лягушатники? А еще вы классно деретесь, это и есть «русбой»? Фрэнку ногу сломали, ну так он подонок, всегда нарывається, вот и получил. Еще через минуту сидим мы уже в компании с янки, они галдят и смеются, как «Рашн, америка, френдс», ну как дети, да пацаны и есть, возраст чуть за двадцать, и, похоже, не воевали всерьез. При этом с детской непосредственностью, не сомневаются в своем праве трясти тех, кто слабее, раз лягушатники эту войну начали – они же заодно с Гитлером были? – и проиграли, то теперь обязаны платить за всё. В конце концов, мы же их всех не убиваем на месте, и в концлагеря не гоним – а морды набить это дело житейское, при случае. Такая психология хулиганистых пацанов – в разных чинах армии США.

Кто-то заинтересовался моими нунчаками. Ну я и выдал историю, как стоит где-то в Сибири заведение у дороги, и приходят туда крутые русские мужики, которые по лесам медведей гоняют. Народ очень суровый, и как поспорят, то все могут разнести, хозяину убыток, а как ему одному дерущуюся толпу разнять? Стрелять нельзя – тогда и те начнут, в ответ. А этой штукой можно уложить нескольких человек, даже с ножами – если вежливо, то просто руки ломает, если поостроже, ребра, ну а самым буйным в голову, насмерть. И компактное, в помещении работать удобно, и хрен рукой перехватишь, в отличие от дубинки – полицейское оружие, не боевое. Откуда у хозяина, бог весть, может, привез кто, а может, и сам придумал. А ведь всерьез слушают, запоминают – вот будет

юмор, если теперь в Америке у полицаев нунчаки в обиход войдут?

На следующий день отбыли без проблем. В той жизни, в веке двадцать первом, Париж лишь на экране видел, здесь впервые взглянул вживую на мировую столицу культуры и прочей там моды. Как о несбывшемся мечтаю, приехать сюда еще раз, туристом, влезть на Эйфелеву башню, пройти по Монмартру, осмотреть собор Парижской Богоматери – вместе с Люцией, моим Галчонком, которая красивее всех парижанок! Ощутить под ногами парижских улиц вековую пыль – и положить цветы к могилам коммунаров на кладбище Пер-Лашез, все же самыми первыми в мире сражались и умирали за коммунистическую идею, уважаю! Ошибок, конечно, наделали, на которые после Ильич наш указал – так ведь опыта еще не было, методом тыка шли. Интересно, там, в мире двухтысячных, не был я фанатом коммунистической идеи, а вот здесь... Не только оттого, что присягу сталинскому СССР принял. А потому что увидел – есть шанс, что Союз не развалится, и будет в этом 2012 году Великий Русский Мир!

А пока что – провалили миссию. Правда, не по нашей вине.

В Москву летели все вместе. И Большаков тоже – и с отчетом, и по своим «морпеховским» делам. И нам тоже – рапорты писать, ну а после ждет нас дорога дальняя, на очень Дальний Восток! Удастся мне добыть настоящую самурайскую катану, как мечтал?

И приходят новости из Франции. Было Учредительное собрание, сейчас стало уже полновластное Национальное собрание. И этот парламент, все обсудив и постановив, решил...

Что??? Де Голль – президент?!!!

И его вступительная речь – ну прямо Черчилль в Фултоне, в иной истории! Русские, вон из прекрасной Франции! Да, и флот в Тулоне не забудьте вернуть.

Истинный политик! Что ему янки и британцы наобещали?

Из доклада Госдепартамента –

президенту США

4 декабря 1944 года (после вошел в историю

как «Французский меморандум»)

Проведение «плана Morgenu» по отношению к Франции, при кратковременной выгоде для финансов и экономики США, влечет за собой значительные политические, экономические и военные трудности в будущем.

Существенным является то, что Франция – в недавнем прошлом великая держава, одна из старейших европейских стран, и одно из первых буржуазных государств с высокой культурной репутацией. И отнестись к ней с чрезмерной и несправедливой жестокостью – значит, повторить ошибку даже не Версаля 1919 года, а Гитлера, объявившего всех людей «не арийской расы» вторым сортом, тем самым вызвав всеобщее фанатичное сопротивление, наиболее наглядно проявившееся в России. В последующем будет трудно объяснить ценности американского образа жизни народам Германии, севера Италии и Восточной Европы – увидевшим, что стало с французами. Напротив, европейцы (вошедшие в советскую зону влияния) будут убеждены, что «дикие туземцы» для нас начинаются уже за Английским каналом, – и что всякий, кто не англосакс, тот в нашем понимании человек второго сорта. Причем это, без сомнения, будет усилено коммунистической пропагандой – а вот наша пропаганда, даже при максимально возможной эффективности внутри Франции (полное подавление у французов воли к сопротивлению, принятие существующего положения), вне ее пределов даст противоположный эффект.

Также следует учесть обременительность для США содержание многомиллионной армии в мирное время. Оттого возможность переложить хотя бы часть этого груза на плечи сателлитов становится жизненно необходимой для американской национальной безопасности. Однако жестокий, фактически оккупационный режим во Франции полностью исключит использование в наших интересах военно-промышленного и мобилизационного ресурса этой страны – напротив, потребует дополнительных затрат на поддержание порядка. Которые, будучи постоянными (содержание во Франции группировки Армии США, достаточной для ведения боевых действий против СССР и Германии, а также подавления внутренних беспорядков), быстро превзойдут разовую выгоду от «плана Morgenu».

В то же время превращение Франции в «парадную витрину свободного мира» даст значительный полезный эффект.

Альтернативы Франции в этом нет. Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия – слишком малы. Юго-Италия и Испания – имеют специфические проблемы с менталитетом (сильное и не полностью лояльное нам влияние Католической Церкви, склонность населения к независимости). В то же время превращение Франции в образцовую капиталистическую страну позволит не только пресечь дальнейшее распространение в Европе коммунистической идеологии, но и, при соответствующей пропаганде, влиять на электорат стран русской зоны, и даже СССР.

Следует учесть, что Франция, как «фарватерный союзник», совершенно не опасна для интересов США. Представляется маловероятным, чтобы она, в обозримом будущем, поднялась выше роли региональной державы. В то же время в качестве таковой Франция безусловно полезна для США, как противовес коммунистической Германии, а также Британии. Вооруженные силы Франции могут заменить значительную часть американских сухопутных войск в Европе, а ВМФ взять на себя часть ответственности за Средиземноморье.

Необходимые затраты капитала на начальном этапе вполне приемлемы для американской экономики. И эти расходы многократно окупятся, при легко достижимом условии включения Франции в долларовую зону. Также очевидно, что в условиях «свободного рынка», при честной конкуренции, американский капитал неизбежно займет во французской экономике доминирующие позиции – однако этот процесс, смягченный и растянутый во времени, будет выглядеть как естественный ход событий, гораздо менее заметный и возмутительный.

«Вашингтон пост». 6 декабря 1944 года

«Франция – не Еврорейх»

Отчего Франция не может сидеть на скамье подсудимых рядом с Германией, по обвинению в развязывании минувшей ужасной войны? Для этого зададим вопросы.

Начинала ли Германия агрессивные войны на протяжении последних семидесяти лет, с самого своего основания?

Да, начинала! Само провозглашение объединенной Германии, Кайзеррайха, произошло на захваченной ей территории, в Версале, в 1871 году! И если та, франко-прусская война, имела целью господство в Европе – то последующие, начатые немцами в 1914-м и в 1939-м, ими самими провозглашались как ведущиеся за мировое господство!

А Франция? Лишь оборонялась – в подобных агрессивных устремлениях не замечена!

Совершала ли Германия ужасающие военные преступления?

Да, совершала! Расстрелы заложников, взятых среди гражданского населения, еще в войну 1870 года, как и в прошлую Великую войну, беспричинное уничтожение бельгийского города Лувэн вместе со всеми жителями, а также старинным университетом и уникальной библиотекой, варварская бомбардировка Льежа. А о зверствах нацистов в эту войну всему цивилизованному миру известно из русского фильма «Обыкновенный фашизм», все факты из которого полностью подтвердились!

А Франция? В этом не замечена!

Было ли все это суверенным и ответственным решением Германии?

Да! Все это было с полного одобрения подавляющей части германского общества, германского народа. И величайший преступник в истории, Адольф Гитлер с его гнусной бандой, пришел к власти не в результате военного переворота, а самым демократическим путем! Немцы с восторгом приняли его учение о своей принадлежности к «высшей расе», которая в силу этого должна править миром – и связывали свои надежды с победами нацистской армии.

А Франция? Была втянута в Еврорейх грубой силой и угрозами, на правах пушечного мяса, расходного материала! Причем это было не решение всего французского народа, а единоличное согласие Петена, незаконно узурпировавшего высшую власть! Есть множество свидетельств, что французских солдат немцы гнали в бой, угрожая расстрелом, а на всех кораблях

французского флота уставом была введена должность немецкого «кригс-комиссара», особого чиновника с правом немедленной казни на месте любого, показавшегося нелояльным!

Имел ли место факт рецидива данного преступления?

Со стороны Германии – да! Поскольку немцы, потерпев поражение в прошлой Великой войне, не могли не осознавать, что их положение после – следствие их добровольных и осознанных действий. Однако же они решили, что всего лишь были недостаточно жестоки и беспощадны, и привели к власти Гитлера, захотев попробовать еще раз.

Со стороны Франции – вопрос беспредметен, поскольку не было первого преступления, а значит, нет смысла и говорить о рецидиве! Да и во втором случае – есть разница между виной бандита, злостно и намеренно идущего на убийство и разбой, – и того, кто был принужден этим бандитом к невольному соучастию, под угрозой расправы?

Так в чем же вина несчастных французов? В том, что они капитулировали перед Гитлером в 1940 году, вместо того чтобы сражаться до конца? Но все помнят, как тогда же были разбиты и бежали англичане – и если бы не чисто географическое обстоятельство, в лице пролива Ла-Манш, не была бы Британия тогда же разбита и порабощена с такой же быстротой? Тогда немецкая армия была, бесспорно, сильнейшей в Европе – так следует ли попрекать французов, что они приняли благоразумное решение в той, конкретной обстановке? В отличие от русских и японцев, у цивилизованных европейских наций не принято предпочитать самоубийство плену! Точно так же, общеизвестно, насколько «добровольным» было решение французов дать в армию Еврорейха солдат – вплоть до того, что нередко таких рекрутов хватали из дома и гнали в казарму немецкие жандармы; так насколько самостоятельным было участие Франции в так называемом Еврорейхе – а ведь даже в уголовном праве указано, что ответственность наступает исключительно за поступки, совершенные при свободе воли, а не по принуждению в безвыходных обстоятельствах!

Вопрос, а откуда взялась сама идея отнести к нашим братьям французам, оказавшим нам громадную помощь еще в Войну за нашу независимость, сто семьдесят лет назад – с совершенно незаслуженной жестокостью? Тут надлежит вспомнить давнюю, еще со времен Столетней войны, многовековую англо-французскую вражду! До сих пор в разговорном французском языке

«английское» является синонимом подлого или плохого! Известно, что Британия никогда не упускала случай нажиться за чужой счет – и где найти лучший момент, когда твой давний конкурент повержен и заключен в тюрьму; да, он вам был должен, но как легко здесь не удержаться от соблазна, перед судом заявить об астрономических размерах этого долга, включая все движимое и недвижимое имущество должника! Экономическое положение Британской империи в настоящий момент весьма незавидно, из-за военных потерь и очень дурного ведения дел в колониях – и у кого-то в Лондоне возникло искушение разом поправить свои дела банальным грабежом. Впрочем, на войне, в отличие от Дикого Запада, это зовется цивилизованно – контрибуцией или репарацией. Хотя по существу является тем, что известно любому владельцу питейного заведения – кто после драки останется проигравшим, платит за весь нанесенный ущерб. Но что бы вы сказали, если хозяин погромленного салуна потребовал бы с неудачника, кому не повезло, миллион долларов за битую мебель?

Уже бывший «фюрер германской расы».

Штутгарт,

заседание Международного трибунала

Все тот же опостылевший зал заседаний. Места за барьером, окруженные русскими солдатами в парадной форме. Судьи в президиуме, обвинители, адвокаты – хотя роль последних просто смешна. Публика в зале – в основном журналисты русских и западных газет. Зачем нужно это судилище, если и так все ясно – в живых не оставят никого?

– Вы признаете себя виновным?

Интересно, есть ли в зале хотя бы один немец? Предатели, отрекшиеся от своей расы, – иных бы сюда не допустили! Мерзавцы, отчего вы не умерли на развалинах горящего Берлина! Германская раса непобедима в сражениях – но всегда проигрывала из-за гнусного предательства! Когда при неудачах вдруг самые верные, спасая свою шкуру, предают. Роммель, казавшийся последним героем Рейха – теперь военный министр в правительстве русских марионеток! Мерзавец Штрелин, «канцлер» растоптанной Германии – его давно надо было повесить! Даже простые солдаты, стоящие в наружной охране этого дворца – ведь раньше присягали Рейху, а не какой-то ГДР?

– Вы признаете себя виновным?

Историю пишут победители! Теперь из меня сделают исчадие ада – а ведь когда-то возносили хвалу как «величайшему политику Европы»! Сами перечеркнули свой позорный Версальский договор, сами в Мюнхене сдали мне Чехословакию – а теперь говорят о вероломстве? Если бы я победил, вас всех бы просто не существовало – вы бы стали пеплом из труб крематория Маутхаузена или Аушвица! Но во всем мире был бы один порядок!

– Вы признаете себя виновным?

Будь прокляты боги, если они есть – и судьба! Зачем надо было чудесно спастись при множестве покушений, чтобы кончить свой путь так? Погибнуть Вождем нации от злодейской руки, или умереть как солдату на своем посту, или даже погибнуть в осажденном русскими варварами Берлине, оставаясь в своей столице до конца, как доктор Геббельс, было бы куда достойнее! Но судьба протягивала руку спасения – чтобы вознаградить таким неслыханным позором! Быть преданным своей же охраной, в руки даже не врага, а низших существ! Славяне сродни обезьянам – если их дрессирует арийская раса, то даже русские могут быть похожи на людей, но когда ими управляют проклятые евреи, то возникает страшная угроза всей человеческой цивилизации! И русские сами сделали свой выбор в семнадцатом году, отдавшись под власть Сиона – а потому должны были быть безжалостно уничтожены! Но мне не дали этого сделать!

– Вы признаете себя виновным?

Нет, не признаю! Вы, гнусные предатели, – я обращаюсь не к презренным славянам, а к вам, представителям англосаксонской расы! Разве не для вас, и с вашего одобрения, я старался кардинально решить русский вопрос, раз и навсегда?! Но вы предали меня лишь за то, что я не хотел быть послушным орудием в ваших руках, а желал еще и достойного места для Германии! Это вы виноваты, что я здесь, а русские орды на Рейне топчут несчастную Европу, как дикие гунны! Это вы, так же силой захватив свою «империю, над которой никогда не заходит солнце», не захотели, чтобы возникла еще одна империя, от Атлантики до Урала! Как будто русские дикари чем-то лучше негров и индусов!

Ватикан меня проклял, вместе с русской церковью? Что ж, может, я и буду гореть в аду, – но гореть в аду за Германию! Если германская раса не сумела

покорить мир – то она недостойна и жить!

Большаков Андрей Витальевич, в 2012 году кап-3, командир группы подводного спецназа,

прикомандированного к АПЛ «Воронеж»,

в 1944-м контр-адмирал

В сорок третьем легче было. Когда уран от «Манхеттена» у берегов Конго брали, за что я Героя и получил. Взять пароход в океане, чтобы никто и не пикнул – даже взвода амерских маринеров на борту не оказалось, лишь команда, правда, вооружены были все. Бочки с рудой на наш подошедший пароход «Краснодон» в темпе перекидали, и назад на атомарину, отдыхать – Лазареву после куда больше мороки было сопровождение обеспечить, чтобы ни одна собака не только не помешала, но даже в свидетелях не была. В итоге сначала линкор «Айова» под торпеды «немецкой» лодки попал, а затем пиндосы с настоящими немцами сцепились – история была, прямо Голливуд, вот только не экранизуют ее здесь никогда, поскольку гриф секретности и подписка всем участвующим. Ну а после я на фронте, непосредственно на линии огня, считай что и не был.

Была после река Волга, учебный лагерь морской пехоты. Которую в этой истории решили специализировать, из «морских стрелковых бригад», во всем обычная пехота, лишь флотского происхождения – в части первого броска на вражеский берег, необязательно моря, но и при форсировании реки. А это и подготовка как у штурмовых частей, с десантной спецификой, и оснащение плавающей техникой, и насыщение автоматическим оружием и переносными противотанковыми средствами. Чтобы поставленная задача решалась успешно и с наименьшими потерями. Удалось ли нам это – надеюсь! Жалко мужиков, polegших на Днепре, Висле, Одере – но суммарные потери наших войск при форсировании укрепленных водных рубежей действительно оказались существенно меньше, чем в иной реальности, откуда мы провалились сюда.

Теперь следующий этап. Сами морпехи обижаются на прозвище «речная пехота», хотя и на море тут им приходилось работать, на коротком плече – Выборгский залив, Эгейское море, Крит. По новому плану, предстоит советской морской пехоте стать аналогом американской – экспедиционными войсками большого

радиуса действия, кому придется защищать интересы социализма в дальнем зарубежье... но это будущая перспектива, а пока дай бог нам Курилы взять. Что потребует от частей морской пехоты большей автономности (дистанция от места посадки не средиземноморская, а так, в тысячу километров) и огневой мощи (артиллерию придется резко усилить, причем так, чтобы все это можно было перевозить и выгружать на необорудованный берег). То есть переходить от бригад к дивизиям, с полноценным тылом. Всю морскую пехоту на новый штат перевести не успеть уже – но пара дивизий должны быть к весне готовы!

И еще, работа в Контрольной комиссии, после нашей Победы в Европе. По флотской части. Кто мне такое сосватал, хотел бы я знать? «Вам, товарищ Большаков, очень нужен и дипломатический опыт». Морпеховские дела пришлось срочно перекинуть на моего зама Гаврилова, в 2012-м старлей был, тут уже до полковника дослужился. Но завидовать нечему, военное время да еще при Сталине это не арбатский округ и не либеральные двухтысячные, тут ответственность огромная, а ошибок не прощают. И нервов в тылу сгорает как бы не больше, чем в боевом выходе!

Что я должен был думать, когда меня, по делам службы приехавшего в Москву в наркомат флота, вдруг вызывают к Самому? Косяков за собой не видел – если не считать предложения укомплектовывать первые дивизии морпехов немецкой техникой, 210-мм трофейные гаубицы легче наших, и «хуммель», конечно, не «тюльпан» (в этой реальности так назван тоже 240-мм миномет, на шасси Т-34 или Т-54), но тоже легче почти вдвое. Так война – тут не за отечественного производителя хватаешься, а за то, что удобнее. Тем более что вся немецкая оборонка сейчас под нами.

– Скажите, товарищ Большаков, что такое «институт конфликтологии», что вы предлагаете создать? Какие у него будут задачи? Да еще «международный»?

Вспомнил ведь Сталин мою докладную, что писал я еще летом! И подчеркивал – что важно это сделать именно сейчас, пока в памяти все еще живо, и с союзниками не расцапались.

– Это, товарищ Сталин, замышлялось как расширение функции военно-исторической науки. Поскольку в будущем «горячая» война станет лишь последней фазой конфликта, причем даже не всегда обязательной. Ей будут предшествовать, в формально мирное время, создание благоприятных условий – политических, экономических, дипломатических – так и «размягчение»

противоположной стороны, посредством пропаганды, опять же дипломатии с торговлей, культурной экспансии, убеждения в собственной правоте. Венгрия, Чехословакия, «цветные» революции и майданы. И конечно, 1991 год. Надо подробно изучить эти случаи «войны без войны», чтобы быть во всеоружии, иметь уже наработанные планы противодействия. Еще случай – когда такие конфликты могут возникать по какой-либо причине между дружественными нам странами – надо изучить причины и такого, и наработать средства по их гашению.

– У нас есть марксистско-ленинская философия и диалектический метод. Вы считаете, что этого недостаточно?

– Во-первых, они не помогли СССР там, в конце восьмидесятых. Во-вторых, там несколько иной объект для изучения, сугубо классовый аспект. Но как с классовой стороны объяснить войну между социалистическими Китаем и Вьетнамом? Или между Сомали и Эфиопией в шестидесятых – тоже объявивших о выборе социалистического пути? Афганистан, где именем социализма, сначала Амин сверг Тараки, а затем его самого убили по приказу Кармалая? Да ведь и Пол Пот в Камбодже искренне считал себя марксистом! А как по Марксу объяснить события в «третьем мире», когда освободившиеся от колониального ига страны дружно клялись нам в верности и тут же предавали?

– Вы не упомянули еще события в странах соцлагеря в восьмидесятые. И такое явление, как «еврокоммунизм». Товарищ Большаков, вы сами, лично, верите в победу коммунизма во всем мире?

– Товарищ Сталин, я не только верю, но и знаю, что поражение дела коммунизма будет поражением для всех нас, а значит, и для меня лично. В то же время я считаю, что для победы не только марксизм-ленинизм должен быть не догмой, сводом застывших правил, а развивающимся, живым учением, но и он нуждается в дополнении прикладными науками для решения частных вопросов. Конфликтология должна стать одной из таких наук.

– Настоящей наукой? С присвоением ученых степеней?

– А это уже неважно. Главное, чтобы была контора, институт, рассматривающий все конфликты с самых разных сторон, ни в коей мере не ограничиваясь одной лишь военной. Стрелять начинают, когда накопились противоречия – как, откуда

они взялись, что их усиливало или ослабляло?

- Но - международный институт? У нас в СССР будут работать иностранцы, получая допуск к секретным вопросам?

- А это мы будем решать, к чему давать допуск, а к чему нет. И сами тоже иметь доступ к иностранным источникам. Хотя, конечно, основа будет нашей, советской, - а большинство контактов лишь внутри нашей зоны соцстран. Но сейчас можно и до западных свидетелей добраться, и в архивы там руку запустить - под предлогом, что мы все только что пережили самую ужасную войну в истории человечества и обеспокоены тем, чтобы это никогда не повторилось!

- И кого же вы предлагаете начальником этой конторы?

- Кого-нибудь из политиков, гражданских. Военные, боюсь, будут гнуть в свою сторону. И рассматривать конфликт лишь с момента первого выстрела, ну а что было до, это лишь подготовка. А она бывает гораздо значимее.

- Что ж, товарищ Большаков, я подумаю. Но есть мнение, что такой институт нужен. Последний вопрос - если вам предложат там работать, вы беретесь?

Ну а куда я денусь? Думаю, что скоро уже лабуда с Контрольной комиссией закончится? Чтобы историю мировых конфликтов изучать.

Генерал Де Голль

Ограбят - и никуда не деться. Проклятый маразматик Петен, ну что ему стоило потерпеть с выбором?

Отчего мне не поступить, как Франсиско Франко в Испании? Который, когда его попытались обобрать, призвал народ к единству и стал грозить всеобщей гверильей? И ведь он не блефовал - вздумай янки ввести там оккупационный режим, в их солдат стреляли бы и правые, и левые, из-за каждого куста! При том что Церковь призвала народ поддержать каудильо - при полном одобрении Ватикана и русских. Как и сто сорок лет назад, при Наполеоне, испанцы

оказались очень боевитым народом – может, это следствие низкого уровня развития, цивилизованный человек гораздо больше ценит свою жизнь? А может, причина еще банальнее – Испания так бедна, что ее даже грабить невыгодно, усмирение дороже обойдется?

А как бы хотелось и самому! Как Наполеон перед своим легендарным Итальянским походом. «Солдаты! Франция в опасности! Англосаксонские торгаши и мародёры хотят превратить нашу страну в свою колонию! Пока я жив, не позволю им грабить и унижать Францию! Вы все пошли за мной добровольно. Я знаю, вы все хотите домой к своим семьям. Я никого не стану удерживать силой! Мне нужны только те, для кого честь и независимость Франции дороже всего! Кто готов сидеть дома, пресмыкаясь в нищете, пока Францию топчет враг, кто хочет сложа руки смотреть, как его жена идёт на панель продаваться английскому лавочнику, индусу и чёрт знает какому ещё дикарю в британском мундире, и как его дочь насилуют заокеанские бандиты и негры в американской форме, пусть выйдет из строя, положит оружие и уходит!»

Отчего я так не сделаю? Этого не понять русским, со смешным представлением о чести. Беда всех плебеев – выходцев из низших классов, поднятых наверх революцией, что было и при Кромвеле, и при Бонапарте. Плебей может быть и талантлив, и профессионален, но у него никогда не будет должного кругозора. У русских очень хорошие командиры поля боя, – но в отличие от выпускников Сен-Сира, их обучали лишь тому, что необходимо на войне. Верно, что навыки политика, дипломата, финансиста – излишни для командования полком. Но они нужны – чтобы подняться над собственно полем сражения!

У русских все просто и ясно. Лев Толстой справедливо писал про «дубину народной войны»: они не умеют проигрывать! Даже там, где это было бы наилучшим решением, с точки зрения своих минимальных потерь. Хотя Гитлер был идиотом, с самого начала объявив войну на истребление, так что, может быть, у Сталина и не было иного выбора, чем сказать тогда, «братья и сестры», и объявить народную войну, где все средства хороши. Но у нас в сороковом – был этот выбор!

Да, немцы тогда переиграли всех. Мировая военная наука просто не знала такого инструмента, как стремительные и глубокие клинья танковых дивизий, поддержанных авиацией. И было слишком мало времени, чтобы найти противоядие – всего через полтора месяца после начала боев германская армия вошла в Париж! И я тогда сделал все, что мог – бежал в Англию, чтобы

организовать Сопротивление. Какое?

Во Франции нет лесов, как в России. Так что роль Сопротивления ограничивалась разведкой, ну еще спасением сбитых англо-американских летчиков. Но если смотреть стратегически, то любая гверилья в военное время имеет две цели с военной же точки зрения. Или террор на коммуникациях – где значение имеют даже не столько нанесенные врагу потери, как затруднение снабжения его армии на фронте, – или помехи в эксплуатации врагом захваченной территории. Русские успешно достигали обеих – за что обозленные немцы обрушивались с репрессиями на мирное население – впрочем, там и без того зверств хватало, так что альтернативы не было. Но что могли сделать французы?

Во Франции обе стратегии не имели смысла! Глубокий тыл, основные боевые действия далеко, и даже через несколько стран. На обстановку на фронте гверилья повлияет слабо – ну разве что отвлечением некоторого числа второстепенных охранных частей, ценой резкого возрастания репрессий к французскому населению. И зачем? Первоначальный шок от немецких побед прошел, война стала затяжной, а что такое лезть в Россию зимой, знал Наполеон, а не идиот ефрейтор! И после Сталинграда было ясно, что не только немецкой победы не будет, но и удержаться на достигнутом Гитлеру не удастся, потому что янки и британцы копят ресурсы и рано или поздно высадятся на континент. Вот только до этого времени дожить надо – и не считайте это трусостью, тут каждый только за себя! Надо было выждать, сберечь силы для послевоенного мира – и не случайно контрразведка «сражающейся Франции» с гестаповской жестокостью преследовала торопыг, рвущихся в бой под британским флагом. Доходило до пыток и казней – но ничего личного, эти прекраснотупые идиоты могли увлечь за собой других и вовсе оставить меня без солдат, и что тогда делать, когда наступит мир? И вот он наступил.

Для посторонних мой поступок выглядел как капитуляция. Не перед американцами – перед банкирами. Слишком многие во Франции, и не только Ротшильды, имеют американские облигации. Как когда-то в массе имели русские, еще царских времен – которые сейчас Советы требовали себе, за освобождение французских пленных. Подобные облигации, заботливо спрятанные в шкатулку, были хорошей добавкой к доходу самой обычной французской семьи, не обязательно буржуа. И как отнесутся французы к тому, кто посмеет объявить войну Америке – считающейся союзником еще со времен Лафайета, с которым прежде никогда не возникало серьезных трений, в отличие от проклятых англичан? Если строительство флота в тридцатые обеспечили

деньги Церкви, то прочие военные расходы тогда покрыли возникшие как бы «из ниоткуда» концерны типа SOMUA (а в авиации – просто прямые закупки у тех фирм США, в которых работало французское золото времен еще прошлой Великой войны. Это были деньги американских «родственников», возвращавших долги той войны. Французы помнят, что становление американской авиации тогда произошло, в очень значительной мере, именно на деньги Франции и с использованием французских идей и изобретений – да и в вооружении сухопутных войск американцы ориентировались именно на французов, танки «Рено» были основными машинами Армии США в начале двадцатых[11 - С тех пор и по сегодня в полевой артиллерии США остались «французские» калибры 105 и 155.]. Деловое сотрудничество американских и французских фирм не прекращалось и в межвоенный период, – а с началом «странной войны» транспорты с золотом сновали через океан, как челноки, золота у Франции было в достатке, – но не было достаточно развитого массового производства, чтобы быстро нарастить объемы военной продукции. Вернее, такое производство находилось за океаном – и обходилось, даже с учетом доставки, гораздо дешевле, чем свое.

Во Франции финансовая система и государство – независимы и обособлены друг от друга. Этого в принципе не могут понять русские, у которых казна есть не более чем государственный карман и инструмент. Это кажется странным и американцам – у которых наоборот, государственный аппарат играет роль наемных управляющих для серьезных деловых людей. Но во Франции деньги и власть равнозначны, и отношения между ними строятся на договорах по каждому конкретному случаю. Причем нет «своих» приближенных банкиров – неважно, кто главенствует на финансовом рынке, лишь бы он был договороспособен! И вся эта система была неразрывно связана с США, с самым тесным переплетением интересов – и французские Ротшильды были тут скорее не монополистами, а «диспетчерами», распорядителями этой Системы, эффективно работающего аппарата движения капиталов, приносящего прибыль обеим сторонам. Что сделают простые французы с тем, кто посмеет поставить эту систему под удар – о том не хочется и думать!

Смешно – Франция, еще недавно великая держава, сейчас как Сиам конца девятнадцатого века! Когда мы, только что покорив Индокитай, подступали к его границам с востока, а Британия, захватив Бирму, приблизилась с запада. И начался разговор на повышенных тонах – кризис 1893 года, уже за три года до Фашоды дело могло кончиться войной, но благоразумие победило. Причем существенное влияние на события оказала позиция России, тогда поддерживавшей Париж – кто помнит, что первоначально Антанта, русско-французский союз, имел

не только антигерманскую, но и антибританскую направленность? А ведь тогда мы вполне могли, без русского демарша, не только потерять сферу влияния в Сиаме, но и Камбоджу с Вьетнамом не удержать, при господстве на море британского флота! Но в итоге все остались при своих, и даже Сиам (мнение которого вообще никто не спрашивал) сохранил независимость, благодаря нашим противоречиям с англичанами. А русским мы ответили черной неблагодарностью, всего через одиннадцать лет, заявив что их война с Японией нас не касается, «поскольку Россия и Франция союзники лишь в европейских делах». Мы же не какие-то варвары, лить свою кровь за чужой интерес? Кто же думал, что через полвека мы сами окажемся в положении Сиама?

Но США, в отличие от русских, дают надежду на восстановление статуса державы. Конечно, в благотворительности янки никогда не были замечены, свои деньги они всегда получали назад, с хорошим процентом. Как писали в газетах когда-то, что такое американский кредит – «в Гватемале, на деньги гватемальцев, руками гватемальских рабочих, построили железную дорогу, для вывоза гватемальского богатства – и Гватемала еще осталась за все должна». А для банкиров с Уолл-Стрит разве есть разница между гватемальцами и французами? Они ведь и своих союзников англичан при случае ограбят, не чихнув! Вот только рассуждения американского посланника про «витрину Запада» были вполне правдоподобны. Американо-британские противоречия реально имеют место, и США совсем не нужна сильная Англия, соскочившая с крючка американского долга! И был прецедент – двадцать пять лет назад в Версале Франция хотела разорить и ослабить до предела побежденную Германию, а Британия выступила против, поскольку уже тогда в ее планы входил противовес французам на континенте. Сейчас идет та же игра: в роли разбитой Германии – Франция, в роли Франции-победительницы – Англия, ну а в роли англичан – США.

Бонус в том, что американцы обещают признание за Францией статуса одной из держав-победительниц. Поскольку «Сражающаяся Франция» была признана воюющей против Гитлера стороной еще тогда, в сороковом, и замолчать этот факт не удастся даже Черчиллю! А это означает удаление с территории всех иностранных войск и восстановление наконец целостности Франции! И уж конечно, больше не будет основания относиться к нам как к завоеванной стране – когда английские и американские солдаты хватают на улицах француженок, а устроить в кафе или магазине погром в ответ на просьбу заплатить считается хорошим тоном у храбрых заокеанских вояк. А еще это означает приток капитала в ослабленную экономику, рабочие места, товары в магазинах. И возвращение Франции к прежним высотам... американцы сказали,

что даже позволят нам снова поиграть в державность и в «нейтралитет»!

Вот только русским придется снова испытать наше предательство. Поскольку секретным протоколом к соглашению будет – после вывода всех союзных войск Франция совершенно независимо и суверенно заключает с США договор о взаимной обороне!

– Мы уважаем ваш суверенитет, – говорил американец, – но неужели вы надеетесь обеспечить его собственными силами? вспомните о судьбе Бельгии в ту войну[12 - На 1914 год нейтралитет Бельгии «в любом европейском конфликте» был гарантирован всеми державами, включая Англию, Францию, Германию. Но территория лежала на пути армии вторжения, и договор был назван немцами «клочком бумажки»]. Как вы рассчитываете устоять, если на вас решат напасть Германия и СССР? Нет, и еще раз нет – именно ради защиты вашей независимости, мы вынуждены настоять на подписании вами Договора о взаимной обороне, согласно с которым на территории Франции будут размещены военно-воздушные, военно-морские базы и сухопутные войска США! Разумеется, временно – на тот период, пока вы сами не сумеете обеспечить свою обороноспособность.

Временно. Ясно, что нет ничего более постоянного – когда срок не оговорен! И не факт, что кто-нибудь из моих преемников на посту президента не поддастся уговорам подписать то же самое на уже постоянной основе! Но другого выхода нет. Допустим, я не соглашаюсь, и выбираю войну. Тогда последует – о нет, даже не грабеж, лютый и беспощадный, а то же самое, что обещали: провозглашение Франции одной из сторон-победительниц, и требование вывода с территории всех иностранных войск, вкуче с обещанием вложения капитала и предоставлением кредита. Что выберут французы, даже «русской» зоны на юго-востоке, это очевидно, с учетом вышесказанного – американцы, благодетели, снова не оставили нас в беде! И все будет по тому же сценарию, вот только наверху буду не я, а кто-то.

А у русских я слышал – «если не можешь предотвратить, возглавь». В рамках предложенной игры американцы просто должны будут предоставить мне известную свободу действий. Шанс освободиться невелик – но он есть!

Всеми правдами и неправдами сохранить индустрию, особенно военную. И армию с МВД, уделив особое внимание расстановке правильных командных кадров на правильных командных постах. Чтобы к тому моменту, когда настанет

пора сказать «хватит!», был полный контроль над армией, жандармерией, полицией и органами финансового аудита. А реальные промышленники Франции и владельцы национальных СМИ должны знать, что они и их состояния существуют только благодаря изворотливости и прозорливости президента! Удачно, что, судя по всему, новая республика намечается парламентской, а не президентской! Понятно, что американцам проще иметь дело с толпой депутатов, на кого легко повлиять поодиночке. Но это значит, что и ответственность за все лежит не на президенте, а на премьере! И даже лучше, если этого «козла отпущения» назначат американцы. Тактика простая – будет экономический и политический успех – заслуга президента. А все плохое – вина премьер-министра. Именно так когда-то Луи Наполеон, первоначально назначенный на скромную исполнительскую должность президента, стал императором – сначала набирал авторитет у толпы и армии, приписывал себе все заслуги и валил на Национальное собрание все грехи, ну а когда дошло до кондиции, повторил славное деяние своего дяди, «я буду править, а вы все вон». Ну а сейчас ситуация просто идеальная: кто распродаёт экономическое достояние Франции – по должности – премьер-министр! А кто против (хотя не решающим голосом, но это толпе не заметно) – президент!

И если в Германии всего через четырнадцать лет пришел Гитлер, сволочь и мерзавец, но все же поднявший побежденную страну с колен – значит и здесь игра не закончена? Ведь Франция была уже дважды поставлена на колени, в 1815-м, в 1870-м – и поднималась снова. Значит, поднимемся и сейчас! Ждать, когда расклад на мировой доске будет благоприятным... сумел же Гитлер без всякой войны добиться отмены всех Версальских ограничений?!

Ну а русским – придется снова стерпеть французскую неблагодарность. Хотя лично Де Голль уважает тех из них, кого считает своими друзьями – Зиновия Пешкова, Армада Мишеля. Но какое отношение это имеет к высокой политике? Важно лишь – что русские никак не могут на ситуацию повлиять. Что с того, что у них весь юго-восточный угол, отделенный рекой Рона, от Арля до Лиона, и дальше по Роне же, до швейцарской границы у Женевы, а также Саар, большая часть Эльзаса и кусок Лотарингии... но тут можно быть спокойным, ведь на будущей Конференции, которая установит наконец долгосрочный порядок в Европе, никто не потерпит настолько вопиющего изменения границ – так что русским скоро придется уйти, если они не хотят восстановить против себя весь мир (а уж Европу точно) наглым разбоем? Русские потребуются нам лишь в последний момент – когда настанет час вышвырнуть американцев и заявить о своем нейтралитете! И очень вероятно, что СССР ухватится за это предложение, забыв старые обиды, если это будет соответствовать его политическим

интересам!

Американцы не дураки, разгадают игру? Так в сороковом было куда труднее. Есть еще надежные люди, тоже патриоты Франции – которых можно втихую расставить на ответственные посты!

Надо играть – другого выбора нет. Или только отойти от политики, с громким заявлением, что он не пойдёт против мнения французов, самих выбравших новый курс. И ждать у себя в имении, писать мемуары и разводить виноград – и публиковать критические статьи в газетах, чтобы народ его помнил. Как русские рассказывали, именно так их вождь Ленин в Швейцарии дожидался семнадцатого года.

Франция сейчас, как росток под стеклянной банкой в весенние заморозки. Надо подрасти, потом стеклянный потолок начнёт ограничивать рост, и придётся попросить банку побольше. А вот окрепнув, можно будет и разбить эту банку, да так, что по всему полю звон пойдёт...

Карикатура во французских газетах (перепечатана многими британскими и американскими)

Фельдмаршал Роммель (портретное сходство с военным министром ГДР). За окном маршируют колонны Фольксармее. На стене портреты.

Какой-то военный, в прусской каске, подпись, «Седан, 1870».

Еще кто-то, в мундире прошлой Великой войны, подпись, «Марна, 1914».

Сам Роммель, сидя на танке, на фоне Эйфелевой башни – «Париж, 1940».

Подпись – «Клянусь своими предками и собственной памятью, у нас по отношению к Франции самые мирные намерения!»

Италия, регион Молизе.

Май 1945 года

Цветет итальянская весна. Яркая, бурная, радостная – совсем не похожая на северное послезимье.

В этом городке самым главным был дон Джакопо – большой человек, поставленный самим доном Кало, не мэр, но реально все решал. Все жители повинны были платить ему налог с любого своего заработка, ну а крестьяне, приезжающие на рынок, – с выручки. В размере большем, чем по закону, – но тех, кто пробовал возмущаться или не мог уплатить, избивали, отнимали имущество, бросали в тюрьму. Ибо тот, кто не в силах выполнить свой долг перед обществом, не имеет права в этом обществе жить! – это любил повторять дон Джакопо, беседуя с должником. – Мы же не разбойники с большой дороги, чтобы сразу... сначала войдем в положение, дадим возможность погасить долг, конечно, с процентами, хе-хе! А уж если не сумеешь и тут – лишь тогда примем физические меры, и к тебе, и к твоей семье. Ну а если и после будешь упорствовать – может статься, и тела твоего не найдут!

Дон был либералом. Настолько, что даже велел карабинерам не трогать жителей «красных» деревень, когда они приезжали в город. Кто же тогда будет торговать, еду привозить и заводской товар покупать – без рынка, сплошной убыток! Вот только платить «красные» должны в двойном размере! И уж конечно была категорически запрещена коммунистическая пропаганда, в любом виде. Единственные, кто могли вести свой бизнес бесплатно, были американские военные, их база была расположена в десятке миль. Конечно, бравые янки чаще были в городке покупателями, но также нередко и продавали – тушенку, сигареты, ботинки, сухпайки, прочее имущество; ходили слухи, что из-под полы можно купить и оружие с боеприпасами, и джип, и грузовик. А покупали, в первую очередь, антиквариат с ювелиркой, но также и свежие продукты, и выпивку (особенно ценилась доставляемая с севера контрабандная русская водка), и услуги местных рестораторов и женщин. Торговля шла, и город не то что процветал, но и не бедствовал, жить было можно.

Когда пришли гарибальдийцы, то они сразу заняли ратушу, над которой подняли свой флаг, вместо прежнего – а также телеграф, вокзал, казармы карабинеров. Сопrotивления почти не встретили – часть партизан были в форме, похожей на русскую, с красными звездочками на шапках, и русскими автоматами ППС, и молниеносно пронесся слух, что это не итальянцы, а русский осназ (причем больше всего в распространении этих сведений позже усердствовали сдавшиеся

полицай). А драться с бешеными советскими, которые недавно разбили немцев – придумайте более гуманный способ самоубийства! Да и кто дон Джакопо карабинерам, чтобы за него рисковать жизнью? И нет больше самого главного дона Кало в Неаполе – за кого помирать? Ну а русские, в отличие от немцев, бессмысленной жестокости не любят, так что выбросившим белый флаг ничего не грозит, а вот если их разозлить, тогда не простят! Лишь доверенным подручным дона Джакопо пощады не было, сам дон успел пуститься в бега, но убежал очень недалеко, был пойман, возвращен в город и водворен в тюрьму; туда же бросили тех из его сообщников, кому повезло уцелеть, не попав гарибальдийцам под горячую руку. Все было завершено за какой-то час, и в городе снова воцарился порядок.

«И это только начало, – подумал Луиджи Кремона, командир Первой красной бригады Юга Италии, – как учили советские товарищи, после взятия власти надо ее удержать, а это будет куда трудней!

Ведь теперь мы отвечаем не только за себя, но и за этот город, и деревни вокруг, за всех их жителей, за их нужды. Война это главное сейчас, ведь завтра из Неаполя могут прислать карабинеров, восстановить их поганый прежний порядок. Но бойцов надо кормить – и мы уже не дома, где односельчане добровольно делятся запасами, для своих защитников. Что-то можно обеспечить трофеями, и помощью с севера – но далеко не всё и не всегда. Придется заниматься экономической и налоговой политикой. А я не умею, меня этому не учили!»

– Надо, товарищ Кремона, надо! – сказал русский. – Учитесь! Никто, кроме таких, как вы, порядок не наведет, чтобы снова капиталисты вам на шею не сели. А мы подскажем, поможем советом.

«Товарищ Айвен», с которым Луиджи был знаком еще с зимы сорок четвертого, с тех, самых первых Красных бригад, приехал с севера еще неделю назад. И был рядом почти все время, – но право командовать оставлял Луиджи. Успел уже посетить арестованных – и после сказал, что дона и еще двоих ждет путешествие на север, «по оперативному интересу», ну а прочих же рекомендую расстрелять, и лучше сегодня же. Что ж, хочется надеяться, что в застенках НКВД дон еще пожалеет, что не умер быстро и легко! Когда эту тварь тащили в тюрьму, он криком угрожал, что за него вступятся большие люди и Соединенные Штаты, и что завтра прилетят американские бомбардировщики и разнесут весь этот городишко в пыль.

Американцев, оказавшихся в городе, никто не трогал. Увидев это, янки обнаглели настолько, что даже фотографировались на улице вместе с гарибальдийскими патрулями. Правда, очень быстро до них дошло и то, что отныне приставать к приличным синьоритам, буяннить, и не платить за покупки категорически не рекомендуется – провинившимся предлагали или в тюрьму, или на месте уплатить штраф, причем долларами. Самых упрямых пришлось все же сунуть в камеру – а затем объясняться с очень раздраженным американским офицером, который в итоге отбыл, забрав своих подчиненных, после уплаты штрафа – вот и пополнение бригадной, теперь уже городской казны!

– А если они и впрямь завтра придут, с пушками и танками? – спросил Луиджи. – Мы не сдадимся, будем драться. Но против авиации у нас шансов нет.

– Все будет хорошо, – ответил русский, – и думаю, что очень скоро американцам будет не до вас.

Стокгольм. Международная мирная Конференция.

Май 1945 года

У русских в основном получалось выигрывать войны – гораздо реже у них выходило выиграть мир. Но ведь всему хорошему можно и нужно научиться.

Конференция открылась 9 мая в немного нервной обстановке – поскольку считалось, что именно в Швецию сбежал из обреченного Рейха пока еще не пойманный Гиммлер, имея под командой несколько сотен, а возможно и тысяч боевиков СС. Потому Стокгольм был фактически на осадном положении, собрав добрую половину всей шведской армии. Что до союзных держав, то они, уважая суверенитет хозяев, воздерживались от ввода своих войск – но на стокгольмском рейде собралась внушительная эскадра боевых кораблей под десятком различных флагов, как на довоенном морском параде в Спитхэде. США были представлены линкорами «Айдахо» и «Миссисипи» (старички, однотипные с перл-харборскими утопленниками, но после модернизации выглядевшие вполне современно), новейшим авианосцем «Боксер», крейсерами «Сан Пауло» и «Бремerton», десятком новых эсминцев. Британия прислала линкоры «Малайя» и «Уорспайт», также с эскортом. СССР смотрелся скромно – крейсер «Киров»,

эсминцы «Статный», «Строгий», «Стройный», – но ведь нам и не требуется пускать пыль в глаза, когда и так ясно, кто внес наибольший вклад в победу? Еще были, под флагом «свободной Франции», эскортные миноносцы «Сомалиец», «Алжирец», «Ла Комбатант» – издевательство и унижение, если учесть, что все три были временно переданы Франции по ленд-лизу, от США (первые два) и Англии (третий) – вместо, например, авианосца «Беарн», крейсера «Жанна д'Арк», трех великолепных «фантасков», не говоря уже о застрявшей в Бизерте эскадре Мальгузу. Довеском шли Дания (броненосец береговой обороны «Нильс Джуэль»), Польша (эсминцы «Блыскавица» и «Буря»), Норвегия (эсминцы «Свеннер» и «Сторд», тоже ленд-лизовские), Голландия (крейсер ПВО «Хеесверк») и даже Бельгия, Португалия, Турция и Бразилия. И надо полагать, и английские войска из Дании, и советские с Моонзундских и Аландских островов были готовы к переброске в Стокгольм в случае осложнений. Так что для шведской армии и полиции сохранение идеального спокойствия и порядка было делом чести и принципа.

После процедуры открытия, где было сказано много красивых и торжественных слов, приступили к обсуждению важных вопросов. Таковых было два: первый, это установление постоянного, а не временного миропорядка в Европе (включая сюда границы, политический строй государств, а также валютные зоны и владение собственностью). Второй же включал меры по предотвращению будущих войн, как создание Организации Объединенных Наций (качественно иного уровня, чем довоенная Лига Наций, лишенная реальных средств воздействия на нарушителей своих постановлений), учреждение Международного института конфликтологии и принятие мер по разоружению (или хотя бы ограничению вооруженных сил).

Черчилль, для которого этот месяц был последним гарантированным в кресле премьера (впрочем, он надеялся сохранить это место и после июньских выборов, набрав выигранные политические очки), с апломбом предложил взять за первоначальную основу положение на 1 сентября 1939 года (для СССР на 22 июня 1941 года) и обсуждать изменения, которые могут быть разрешены лишь при согласии всех заинтересованных сторон. На что Сталин возразил: во-первых, отчего на эту дату вы аншлюс Австрии, раздел Чехословакии и Мемельский кризис выводите за скобки? А во-вторых, тогда законным представителем Германии следует считать Адольфа Гитлера, нам его сюда из Штутгарта доставить, прямо с заседания Трибунала? А вместо Муссолини поискать по тюрьмам Италии старшего из его сообщников, оставшихся в живых?

– Я имею в виду лишь жертв агрессии, а не ее виновников! – ответил сэръ Уинстон. – Например, мы обеспокоены, что законное правительство Польши, первой подвергшейся нападению, не может приступить к своей работе. После уже второй страшной войны, потрясшей европейский континент всего за полвека, человечество вправе ждать установления наконец спокойствия и порядка. Что подразумевает, прежде всего, следование законам и договоренностям, даже если кто-то с ними не согласен. Довоенная Польша была процветающей мирной страной, островом стабильности в сердце Европы. Теперь прискорбно видеть, что легитимное польское правительство, сумевшее спастись от фашистского нашествия, не может вернуться в свою страну, опасаясь за свои жизни. Также будет справедливо, если Польша за свои страдания получит существенное приращение территорией, на западе и на востоке.

«Старину Уинни можно понять, – подумал Рузвельт, – для него Стокгольм вполне может стать “лебединой песней”. Поскольку всего через две недели в Англии парламентские выборы – и аналитики в Вашингтоне уверяют, что шансы потерять место премьера у Черчилля весьма высоки. А финансовое положение Британии явно оставляет желать лучшего – и английский электорат, надо думать, уже задает вопрос, а за что собственно воевали, “плохой парень Адольф” повержен, это, конечно, хорошо, но где послевоенный мир, который лучше довоенного? Была империя, над которой солнце не заходило – и что осталось? Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка уже по существу не британские, а американские сателлиты, замкнутые на товары из США, перевозимые на американских судах! Индию у япошек отбили – но до порядка там еще очень далеко, и вместо дохода в британскую казну бывшая “жемчужина Империи” пока требует огромных расходов, а ведь война еще не кончена, надо Бирму, Малаю, Сингапур освободить! В Африке вообще черт знает что творится, особенно на востоке, всяких там независимых чернокожих фюреров развелось, как блох на дворняге, ну прямо как в Мексике девятнадцатого века, когда любой главарь, за которым сотня головорезов, объявляет себя “генералом” и в упор не видит никакой иной власти, кроме своей собственной. И эта зараза, “черные братья, режь белых” активно распространяется на запад, уже и в бельгийском Конго неспокойно – что неудивительно, если вспомнить, как бельгийцы там относились к местному населению, руки у детей отрубали показательно, за плохую работу на шахтах и плантациях! А это очень нехорошо – согласно Атлантической Хартии, рынки колоний должны быть открыты для свободной торговли, но для того там хоть какой-то порядок должен быть! Чертовы италяшки, с их походом на юг, “дойдем до Кейптауна”, – дальше Кении не продвинулись, но в итоге в Африке оказалась куча оружия, и что еще хуже, значительная часть местного населения, худо-бедно обученная воевать! И

полыхнуло так – что в Лондоне иные чины всерьез говорят о массивном применении боевой химии, иначе не усмирить – “а кто там уцелеет, тот снова станет нашим верноподданным”. Бедный Уинни был одним из строителей империи – и видеть, как она падает в пропасть?»

– Господин премьер-министр, похвально, что вы думаете об интересах всего человечества, – произнес Сталин, – ну а я по долгу обязан думать прежде всего об интересах своей страны. И хорошо помню, каким «мирным» соседом была та Польша, напавшая на нас в двадцатом. Да не только на нас – литовское Вильно, германская Силезия, чешский Тешин – это просто поразительно, как возможно такое, за неполные двадцать лет быть в ссоре абсолютно со всеми соседями. Теперь же я полагаю, будет по справедливости, если советский народ больше не станет ждать нападения от своей западной границы? И какое вам, собственно, дело до Польши – или вы из Лондона намерены Восточной Европой управлять? Или все-таки позволим польскому народу самим выбирать свою судьбу – включая правителей и политический строй?

– Господин маршал, а вы верите в свободное волеизлияние в окружении ваших штыков? И что при этом у власти окажутся те, кто действительно выражает желания польского народа?

Сталин усмехнулся. Небрежно протянул руку – в которую молчаливый помощник тотчас же вложил документ, извлеченный из папки.

– «Дейли телеграф», от 4 февраля. Где вы, господин премьер-министр, восторгаетесь наконец свершившимся выбором французского народа, после «временной военной диктатуры», не жалея хвалебных слов. При том, что на время выборов в Национальное собрание генерал Тассиньи держал Париж на осадном положении – не подскажите, от кого? И что за инциденты со стрельбой на улицах, с убитыми и ранеными? И несколько сотен лиц, без всякой вины, а лишь потому, что были сочтены «подозрительными», были схвачены и брошены в тюрьмы – а в провинции, как ваши и французские газеты пишут, людей по списку на стадионы загоняли и держали там сутками, опять же без обвинений. В Польше же и в Народной Италии, где еще у нас выборы происходили, такого не было – никого превентивно не арестовывали, лишь за то, что они «не за тех».

– Вас неправильно информировали: на особом, а не на осадном положении, – бросил Черчилль, – причем войска применяли оружие лишь в крайнем случае, а обычно старались обходиться пожарными машинами и слезоточивым газом. А

среди пострадавших есть не только смутьяны, но и солдаты. И большинство задержанных были все же отпущены, по истечении нескольких дней. Господин маршал, я отлично понимаю, что эта война слишком многое изменила в Европе. Но во избежание анархии я предлагаю принять за точку отсчета положение на 1939 год, и чтобы лишь созданная нами ООН выдавала мандат на любые изменения, после тщательного рассмотрения ситуации и с проведением установленной процедуры.

– И как вы это представляете? – спросил Сталин. – Например, в Польше, раз уж речь о ней зашла, насильно посадить «правительство», ненавидимое подавляющим большинством населения настолько, что вы правильно заметили, никто не может дать гарантии безопасности тому же пану Миколайчику, если он решится приехать? А после решать, куда менять – и с большой вероятностью прийти к тому, что реально там сейчас? Никто не может отрицать, что Польская Объединенная рабочая партия из всех политических сил пользуется наибольшим авторитетом. Аналогично и по другим странам: если, например, болгарский царь Борис делил со своей страной судьбу все эти годы – то что скажет народу югославский или греческий король, соизволивший вернуться из эмиграции? Однако же мы начали о Франции говорить. Скажите, как могло случиться, что ФКП, будучи одной из наиболее массовых французских политических партий, не получила ни одного места в Собрании на выборах в контролируемых вами округах? Депутаты-коммунисты прошли на юго-востоке – но им всячески не давали приступить к своим обязанностям, чиня самые разнообразные препятствия по пути в Париж, устраивая провокации, арестовывая «для выяснения личности». А что за толпы вооруженных громил там избивают на улицах коммунистов и тех, кого считают «смутьянами», причем полиция безмолствует?

– Простите, господин маршал, но это сугубо внутренние французские дела!

– А разве я в этом сомневаюсь? – сказал Сталин. – Всего лишь хотел заметить, что если это «демократия», то очень плохой образец для подражания. И вам любой, кто побывал сейчас в Германии, подтвердит, что там куда больше порядка – заводы работают, население занято делом, в магазинах есть хлеб. Вообще, я предлагаю обратить на франко-германскую границу самое пристальное внимание, раз уж мы задались целью избавить мир от следующей войны. Вы согласны, что три больших европейских конфликта за семьдесят лет это слишком много – так давайте же навеки разберемся, где там чье: Эльзас, Лотарингия, Саар! Плебисцит – и пусть люди сами решают, кто им ближе. И

выведите наконец свои войска из Пфальца, – а мы уйдем с востока Бельгии и Голландии.

Тут неугомонный британский премьер вспомнил про север Норвегии – по какому праву русские заняли территорию до Тронхейма и не желают уходить? Строго говоря, это было не так – от Тронхейма до Буде советские, успев влезть отдельными гарнизонами и комендатурами, еще мирились с тем, что одновременно с ними на эту территорию вошли отряды норвежской «милиции»[13 - «Проанглийские» норвежцы, успевшие эмигрировать в Швецию и организованные там УСО в боевые отряды. В нашей реальности именно они после Петсамо-Киркенесской операции в октябре 1944 года стали «прокладкой» между Советской Армией и немцами, на севере Норвегии.]. Но от Буде на север СССР установил свою власть, целиком и полностью, заодно прибрав к рукам и Шпицберген! И король Норвегии уже открыто и во всеуслышание, не стесняясь в выражениях, обвинял Сталина в воровстве и требовал от союзных держав помочь восстановить законный порядок!

– Северная провинция, Финнмарк, это исторически русская территория, как Печенгский край, уступленный Финляндией, – ответил Сталин, – и отчего финны, напавшие на нас совместно с Гитлером, должны платить, а норвежцы, полноправно входившие в Еврорейх, нет? Ведь вы же именно это обстоятельство ставите в основу, требуя с французов просто астрономическую контрибуцию? Что до Шпицбергена, то его положение определялось, когда Россия, пребывая в Гражданской войне, не имела возможности отстаивать свои законные интересы. Теперь же статус этого архипелага будет определен более справедливо!

– Повторяется история с «Мэнскмэном»? – ядовито спросил Черчилль. – «Что с бою взято, то свято»?

Крейсер «Мэнксмен», один из «спасителей Мальты», получив в Средиземном море немецкую торпеду, с трудом был отбуксирован до Гибралтара[14 - Соответствует нашей истории.], чтобы в мае сорок третьего оказаться там застигнутым немецким вторжением. Легкий крейсер-минзаг с ходом в сорок узлов (причем достигавшимся длительное время без форсировки машин) показался ценным приобретением пресловутому адмиралу Тиле, который распорядился перетащить трофей в Тулон для восстановления. Где корабль, у стенки завода, был взят уже Советской Армией. Когда англичане узнали об этом, они затеяли с Москвой переписку на самом высоком уровне, требуя вернуть крейсер, ради уважения к британской морской традиции, никогда еще корабль

Королевского Флота не ходил под чужим флагом! Русские же ответили, что поскольку объект спора на момент захвата числился в списках Кригсмарине, то является законным трофеем, принадлежность которого не может быть оспорена – «что с бою взято, то свято».

«Украдет даже кошелек из вашего кармана! – подумал Сталин о британском премьерe. – Что за мелкий человек!»

На следующих заседаниях встал вопрос об основании ООН – взамен полностью дискредитировавшей себя Лиги Наций. Устав, структура, сферы деятельности, бюджет новой Организации – к удивлению Рузвельта, у русских оказался готовый проект. Местом пребывания штаб-квартиры ООН был избран Стокгольм, а вот касаясь роли Организации в будущем мире у американского президента, в отличие от глав правительств малых европейских стран, была трезвая оценка. Хотя в отличие от прежней, «беззубой» Лиги, предполагалось, что ООН будет располагать неким военным контингентом, выделяемым на временной основе из состава армий стран-участниц, очевидно, что это могло сработать в качестве полицейских сил лишь при войне между малыми странами, но никак не в глобальном конфликте между державами. Интересы которых будут все определять и в мирное время – так что ООН станет не более чем еще одним «полем боя», игровой доской, где вести партию будут Большие Игроки. И кстати, тут русские уже загоняют себя в угол. Когда здесь на первом же заседании новообразованной ООН будет принят «Акт о странах-жертвах гитлеровской агрессии», оказавшихся в двусмысленном положении из-за своего участия в Еврорейхе. Статус этих стран должен быть нормализован, в том числе и территориально: кто они – жертвы, которым полагается компенсация, или пособники агрессора, обязанные платить эту компенсацию другим?

Рузвельт представил, сколько чернил прольют на этом юристы, специализирующиеся на международном праве, от всех заинтересованных сторон. Пикантность ситуации была в том, что общепризнанных юридических норм не существовало – поскольку то, что происходило сейчас, было не менее значимым, чем Версаль 1919 года, «чтоб ты жил в эпоху перемен», так, кажется, желали проклятия недругу древние китайцы? И Сталин верно уловил тот факт, что государства-детища Версаля, или получившие независимость за десятилетие до него, как Норвегия, никак не могли ссылаться на древние традиции и требовать святой незыблемости своих границ! Так что СССР вполне мог сделать, например с Польшей, «этим уродливым детищем Версальского договора», все, что хотел – тем более что границы предвоенного польского

государства, положив руку на сердце, никак нельзя было назвать справедливыми! Прибалтийские страны вообще не имели никаких традиций государственности до 1918 года – даже у Черчилля хватило ума и такта не заикаться о попорченной независимости Литвы, Латвии, Эстонии, которые к тому же не были эталоном демократии и процветания, но ведь и Финляндия по существу не отличалась от них ничем, и лишь милостью Сталина сейчас сохранила независимость, хотя и лишилась доброго куска территории! Теперь выясняется, что и словаки с чехами категорически не желают жить в одном государстве. А чья Трансильвания, на которую и Венгрия, и Румыния претендуют в равной степени – причем с исторической точки зрения обе имеют равные права? И по какому праву (кроме дозволения Сталина) болгары захватили Македонию (по куску от Югославии и Греции), утверждая, что нет никакой нации «македонцы», равно как и македонского языка, а есть «западные болгары», искусственно отторгнутые от отечества? А заодно и Западную Фракию (принадлежащую им до прошлой Великой войны) с портом Александруполис на Эгейском море, который уже обживает советский флот. Наконец, самый больной вопрос для Британской империи – судьба Проливов, где внаглую уселись русские, заключив с Исмет-пашой договор, такой же «равноправный», как США с какой-нибудь Панамой?

– Турция вела свою, шакалью войну, – сказал Сталин, – в самое трудное для СССР время, когда немцы стояли под Сталинградом, фашиствующие янычары точили зубы на наше Закавказье. Точно так же, как позже, найдя момент удачным, напали на британские владения в Ираке! В этих условиях мы просто вынуждены были принять меры – и наш договор с Исмет-пашой касается лишь СССР и Турции, прочие стороны тут при чем? Как на Востоке говорят, «невеста согласна», ну а дальше совет да любовь!

Зато норвежский король (чувствуя за спиной поддержку Британии) настроен очень воинственно! Положим, «вышвырнуть русских варваров силой» это для публики сказано, но в ООН советских ждут очень бурные обсуждения, а на каком собственно основании Норвегия должна передать СССР свои северные провинции? Если законное норвежское правительство во главе с королем капитуляцию не подписывало, а, пребывая в Лондоне, находилось в состоянии войны с Германией? Квислинг не представлял никого, кроме себя – мало ли какие коллаборационистские формирования существовали во всех странах, в том числе и в России? И если русские будут настаивать на праве «что с бою взято» и применительно к территориям, то это чревато полным подрывом только создаваемой системы международной безопасности! Сталин должен понимать, что тогда, в глазах европейцев, он будет наглым агрессором – и единственным

гарантом чьего бы то ни было суверенитета к западу от Рейна будет оборонительный союз североатлантических государств, о создании которого уже говорят в Комитете Начальников Штабов в Вашингтоне. СССР в ответ, несомненно, заключит военный союз с Германией, Италией и всякой мелочью вроде Польши и Румынии – и ждет тогда Европу новый кошмар коалиций, грозящий разразиться новой большой войной! Но нужно ли это самим русским?

Еще один вопрос, который в прошлые времена мог бы привести к англо-американской войне! Какая рожа была у Черчилля, когда он услышал американское предложение все же считать Францию среди держав-победительниц?! Первый Штутгартский протокол говорил лишь о капитуляции Германии и роспуске Европейского Рейхсоюза (в разговорной речи известного как Еврорейх), Второй Штутгартский регламентировал временный порядок на территориях, занятых войсками союзных держав. А где тут сказано, что «сражающаяся Франция», которую признали за воюющую с Гитлером сторону и Англия и СССР, является правопреемником Петена? Если имеется прецедент – как в Италии, правительство Тольятти, по категорическому заявлению Сталина, не может отвечать за преступления Муссолини!

Признает ли мировое сообщество (в лице лидеров трех ведущих держав) суверенитет Франции, представленной Де Голлем и всем, что называется «свободной Францией» и происходит от нее – то есть Учредительное собрание и утвержденные им акты, органы местной власти? С учетом непреложного факта, что названная организация («ко-беллетрент» – юридически равноправная государству) непрерывно воевала с гитлеровцами и не имела никакого отношения к преступному и незаконному режиму Петена. Очевидно, что при постановке вопроса на голосование, когда ООН наконец начнет работать, итог будет однозначен! Как бы выглядел СССР перед французами (включая население «русской» зоны на юго-востоке), выступи Сталин против? Ну а Британия – в самом худшем случае придется подождать поражения Черчилля на выборах!

Ну а поскольку французское государство сейчас это правопреемница «сражающейся Франции», а не Петена, то нет никаких оснований не считать Францию среди держав-победительниц! Пикантность в том, что тогда и Германии придется еще один акт о капитуляции подписывать, перед французами! Что ж, будет приготовлен Первый Штутгартский протокол на французском языке, и Роммелю придется поставить подпись еще раз, признавая капитуляцию Германии также и перед Францией – имеющей полное право на

свою часть германских репараций! А также на армию и флот, свободные от всяких ограничений. И восстановление территориальной целостности – русские, не слишком ли вы в Марселе задержались? Де Голль обнаглел настолько, что заикнулся даже о возмещении убытков – ну, милейший генерал, надо все же и честь знать, вам и так слишком много дается! «Хаулиганизм» это, конечно, нехорошо получилось, – но тогда кучу чинов Армии США придется призвать к ответу, а найти укра... исчезнувшее это и вовсе непосильная задача! Тем более что тут и немцы раньше успели порезвиться, вывозя в неизвестном направлении, например, предметы искусства из музеев и частных коллекций – и разобраться, что уехало в Германию, а что уплыло за океан, не сумел бы и Шерлок Холмс. И британцы в своей зоне, от Булони до Руана, Труа и Меца (Париж на линии разделения, там совместная, англо-американская комендатура) тоже вывозили к себе все, что могли. Да и русские у себя в зоне что-то демонтируют – после, может быть, и предъявим им счет к уплате, но не сейчас!

А русские, неужели знали про предполагаемое изменение французского статуса? Или Джо так умеет держать удар? Никак не показал своего недовольства, лишь покосился на Де Голля. А затем, без задержки, выложил встречные предложения:

– Отрадно, что вы, господин президент, так обеспокоены интересами французского народа. Но скажите, чем хуже народ Италии? Если даже в английских газетах, – тут Сталин взглянул на Черчилля, – так называемое «правительство» в Неаполе именуется шайкой проходимцев, не избранных никем, а самовольно присвоивших право выступать от лица каких-то политических партий? Положительно, это какой-то злой рок для южных итальянцев – стоило избавляться от власти дона мафии, чтобы посадить себе на шею целую банду непонятно кого? В то время как остальная часть Италии, под руководством Тольятти, успешно идет к процветанию: восстановлен порядок и закон, развивается промышленность и торговля – на юге, о чем пишет даже ваша пресса, творится нечто похожее то ли на Дикий Запад, то ли на дремучее средневековье! Господин президент, ваша страна гордится, что была «первым оплотом свободы от деспотии». Так отчего вы сейчас поддерживаете правящий режим, не имеющий никакого уважения даже у собственного народа и сидящий, по весьма распространенному в Италии мнению, исключительно на американских штыках?

– Господин маршал, вас неверно информировали, – улыбнулся Рузвельт, – верно, что молодая итальянская демократия испытывает сейчас некоторые трудности.

Подобное часто бывает в самом начале существования самого прогрессивного государства – вспомните хотя бы ваши годы революции и гражданской войны? Что до американской армии, временно находящейся на итальянской территории, то разве советские дивизии не стоят возле Рима? Мы все желаем новой Италии исключительно мира и процветания, при торжестве демократии и свободы.

– Тогда не вижу оснований, отчего судьба Италии должна отличаться от французской, – прищурился Сталин, – точно так же законное правительство Тольятти в Риме происходит от «сражающейся Италии», не имеющей никакого отношения к режиму Муссолини и находящейся с ним и немецкими оккупантами в состоянии войны. И такой же статус «ко-беллетрент» был признан за «сражающейся Италией» не одним СССР, но и союзными державами в феврале сорок четвертого. А откуда взялось «правительство» дон Кало, кем оно было избрано и кого представляло? Неужели мафия на юге Италии настолько сильна, что даже вашу оккупационную администрацию сумела на свою сторону склонить?

«Проклятые недоумки! – раздраженно подумал Рузвельт. – Лишившись своего дон (а заодно и умудрившись поссориться с Церковью, что там не поделили папа и кардинал Лавитрано?), они не придумали ничего лучше, чем устроить свару между собой. Показав при этом полную неспособность заниматься и политикой, и экономикой. А в “красном поясе”, примыкающем к линии раздела с коммунистическим Севером, уже открыто не признают законную власть, теперь и в городах, а не только в горных деревнях, свой порядок установили, поставили мэрами своих людей, организовали фактически армию, “силы самообороны”, налогов в столицу не платят (сборщики с карабинерами туда и лезть боятся – убьют). Югоитальянская же армия, по докладу нашего военного атташе, это полный сброд, трусливое отребье – лишь увидев гарибальдийских повстанцев, они бегут в панике, крича про русский осназ; этим воякам даже дай “шерманы”, как еще дон Кало просил – не поможет! Впрочем, где и когда каратели были хорошими солдатами? В Неаполе даже не думают справиться сами, а требуют, просят, умоляют, чтобы Армия США порядок навела, и даже призывают нас бомбить мятежные деревни, на формально своей территории, в мирное время – большего доказательства, что ситуация полностью вышла из-под контроля, и не найти!

Хотя надо признать, что в будущем плане, который предлагает Маршалл, значение южного огрызка Италии с Францией совершенно несоизмеримо! Из-за плачевного состояния экономики, изначальной бедности и беспредельной

коррупции, перспектив у нового “неаполитанского королевства” нет никаких, по крайней мере, в ближайшие годы. А вот Франция, этот “шверпункт”, ключевая позиция – взяв которую, можно легко получить и все остальное! Потому что никто, кроме США, не может в ближайшие годы вложить миллиарды в какую-то европейскую страну. Вывозить капитал оказывается еще выгоднее, чем товары. Превратив Францию в витрину, в образец для подражания, мы выиграем много больше, чем ограбив ее до нитки. Уинни не понимает, что главными в мире сегодня становятся противоречия СССР – США, а значит, нет смысла ослаблять того, кто будет твоим союзником, причем заведомо слабейшим, без претензий на лидерство. Овладев Францией, мы овладеем и Европой, сначала Западной, а затем и Восточной. Чтобы захватить страну, не обязательно ее завоевывать – капитал чаще работает так же успешно, ну а армия выступает не больше чем в роли сил правопорядка, чтобы оппонент соблюдал правила и при проигрыше не переходил к мордобою, отказываясь платить. Главное в Европе было достигнуто – Франция оказалась в “долларовой” зоне, на территории ее и колоний доллары принимались к обеспечению так же? как и золото. И все идет к тому, что Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию и Португалию тоже продадим! Юго-Италия стоит гораздо меньше, скоро там за доллар чемодан лир будут давать! С Испанией еще разберемся – все же тот договор с Франко был ошибкой, при гонке к Парижу, когда ничего еще не ясно, совсем не нужны были осложнения в тылу и лишний спор с Ватиканом – теперь же надо вспомнить, что соглашения соблюдают лишь до тех пор, пока они выгодны. Еще Турция – но тут Сталин резко выступил против, узнав, что кредит мы собираемся, помимо прочего, еще и оружием давать, да, не нужны Джо тысяча турецких “шерманов” на своей границе, хотя не идиот же Исмет-паша, чтобы с СССР воевать? Зачем с Советами – всего лишь навести порядок в Курдистане, а то какой-то там вождь Барзани обнаглел вконец!»

После долгих дебатов было решено, что СССР в трехмесячный срок выводит свои войска из Юго-Восточной Франции – в обмен на уход американцев с юга Италии. Рузвельт злорадно представил, как правительство Тольятти, вместе с Советами, будет поднимать этот «чемодан без ручки», нищий, безнадежно коррумпированный (продовольственная помощь раскрадывается практически полностью!), зато с мафией, на усмирение которой надо потратить еще уйму ресурсов и времени! По заверениям аналитиков, североитальянцы с большой вероятностью подавятся этим «подарком», не в силах переварить! Хотя адмиралы хотели оставить у себя в аренде базу и порт Таранто, – но тогда и русские не захотят из Тулона уходить! Довеском к решению Конференции пошел Пфальц, который воссоединился с Германией, в обмен на очищение русскими занятых ими районов Голландии, Норвегии, Дании. Тут Сталин заявил, что если

Голландию еще можно считать «ко-беллетрент», сражающейся стороной, поскольку король и правительство честно бежали в Англию и продолжали официально состоять с Германией в войне, то короли Дании и Бельгии сознательно подписали договора о вступлении в Еврорейх и потому должны считаться такими же преступниками, как Гитлер. Который, кстати, дал на процессе показания о своих личных переговорах с датским королем в августе сорок третьего, что полностью доказывает сознательный и добровольный характер присоединения Дании к Рейхсоюзу, равно как и отправку датского корпуса на советско-германский фронт!

В итоге соглашение все же было достигнуто – после спора, где дошло едва ли не до геометрического измерения взаимно передаваемых территорий. Что до Дании, то условились, что Северный Шлезвиг и остров Борнхольм временно остаются в русской оккупации, до решения ООН по этому вопросу. Будущее Эльзаса, Лотарингии и Саара должно быть определено плебисцитом населения этих земель, также под патронажем ООН. Если учесть, что именно на ООН перенесли и окончательное решение проблемы северонорвежских земель (к крайнему неудовольствию короля Хакона, он что, думал, что мы из-за Нарвика войну русским объявим?), и определение статуса Франции (уже ясно, что СССР и Британия будут против – но пусть Де Голль верит, для него восстановление «державности», что морковка перед носом осла), – то заседания молодой Организации обещали быть очень бурными! И широкой публике вовсе необязательно знать про секретный протокол, идущий для французов обязательным приложением к будущей поддержке от США в данном вопросе! По которому Франция обязуется заключить после военный договор о размещении у себя американских войск, авиации и флота, ради защиты французских границ, пока сами французы будут воевать в Индокитае или Марокко, приводя свои колонии к приличному состоянию для американского рынка. Тут и Сталин возразить не сможет – ведь его армия из Германии и Италии не выводится? Де Голль, распушив перья, требовал себе аж границу по Рейну – на что даже Черчилль, не выдержав, ответил словами Ллойд-Джорджа, сказанными в Версале девятнадцатого года.

– На каком основании Франция требует себе территориальных приращений – ее разбили еще раз[15 - В Версале это было сказано итальянцам.]?

Вторым важнейшим пакетом вопросов, после установления порядка и границ в Европе, был Дальний Восток. Еще в Ленинграде, в декабре сорок третьего[16 - В альт-мире аналог Тегеранской конференции.] было обговорено, что СССР

вступит в войну с Японией так скоро, как будет готов.

– Уже год прошел после окончания войны в Европе – как вы, господин маршал, просили нас когда-то открыть Второй фронт, так теперь Армия и ВМС США одни несут тяжелое бремя битвы с японским агрессором! Вы намерены выполнять свои обязательства?

– Я помню, что там было сказано и об обязательном учете при этом интересов СССР, – ответил Сталин, – мы не отказываемся, но есть несколько пунктов, на которых мы будем настаивать. Первое – восстанавливаются все права России, нарушенные вероломным нападением Японии в 1904 году. Иначе советский народ просто не поймет, за что мы должны снова лить свою кровь. Нам возвращается южная половина острова Сахалин, а также Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, и КВЖД, включая ее южную ветку. Также преимущественной сферой влияния СССР признаются Маньчжурия и Корея.

– По Сахалину нет возражений, – сказал Рузвельт, – но Корея тут при чем?

– В 1904 году напавшие на Россию войска шли через Корею. В 1918–1921 годах японские интервенты на наш Дальний Восток прибывали из Кореи. В 1931 году японские войска из Кореи пришли в Маньчжурию и полтора десятка лет угрожали нашим дальневосточным границам, причём в 1938-м и 1939-м дошло до военных конфликтов. Мы этого больше не хотим. Поэтому Корея должна быть в нашей сфере влияния, чтобы никакие враждебные нашей стране силы больше не могли нам угрожать с её территории, – ответил Сталин, – но продолжу. Второе, Советскому Союзу передаются Курильские острова. Под которыми понимается весь архипелаг, до берегов Хоккайдо. Вам надо разъяснить, что такое «японская таможня», делающая буквально невыносимым развитие нашей Камчатки и Чукотки, конечных пунктов Севморпути? Третье – сохраняется настоящее положение Монголии.

Сказанное почти полностью повторяло то, что было в иной истории. Вот только здесь Сталин, помня тот урок, совершенно не собирался отдавать половину Кореи и получить очаг войны возле своих границ. А с Монголией вышло интересно... там сказано было про суверенную МНР, которую китайцы упорно считали своей, как и Туву. Здесь же положение монгольских товарищей подобно статусу Финляндии в Российской империи – вроде как и ассоциировались, а во внутренних делах автономны. Но в сорок третьем угроза японского вторжения казалась им абсолютно реальной, вот и сумел СССР их уговорить. Положа руку

на сердце, возможно, поторопились – вызвав резкое напряжение с китайцами, что с Мао, что с его оппонентами, и те и другие восприняли это не только как покушение на целостность Китая, но и как опасный прецедент. Так что с Маньчжурией и Синцзяном будет все не так гладко... и никак еще не определено!

– Четвертое. Судьба некитайских народов, живущих на территории Китая, будет отдельно решаться после завершения войны. И пятое. При оккупации Японии и заключении с нею мирного договора, СССР пользуется равными правами с другими державами-победительницами.

«То есть русские и в Японии намерены получить оккупационную зону, – подумал Рузвельт, – что ж, есть тут очень интересный вариант, но о нем после. Существенно, что возможности русских на море не идут ни в какое сравнение с нашими, а Япония пока еще остров. Однако, если не связать СССР договором, Сталин сам возьмет то, что сочтет нужным... нам никак не успеть войти в Корею раньше Советов! И Маньчжурия тоже, по заверениям экспертов, крепкий орешек, при всем уважении к русскому умению воевать на суше. Чисто географически там трудно развернуть значительные силы, как и снабжать, и местность вдоль границы непроходимая горная тайга, почти как джунгли в Бирме. Или горный хребет Хингана с простором пустыни Гоби. У японцев шансов нет – но быстрой победы русских не будет, военные аналитики оценивают срок: от четырех месяцев до полугода. Этого должно нам хватить, чтобы подступить к Японии вплотную! На Филиппинах все завершается. И взяли Иводзиму, теперь налеты на японскую метрополию станут такими же убийственными, как на Германию в самом конце. Еще пара сражений – и от японского флота не останется ничего. Джо еще скромн – он требует себе лишь то, что мог бы взять и сам!

И все это – уступки русским в Италии, вывод союзных войск из Пфальца, согласие с русскими требованиями на Дальнем Востоке – за их признание Франции-победительницы! Тактические уступки сейчас – в обмен на крупный выигрыш после!

Вот только завязывается новый узел – китайский. Пока СССР, занятый европейскими делами, опасался японского удара, то был заинтересован, чтобы япошки увязли в Китае сильнее. А после разгрома Японии и Китай станет Советам гораздо менее ценен. Или напротив – сильный, коммунистический Китай, вот это будет настоящим кошмаром для нас!

Следовательно, сейчас надлежит, добивая Японию, уже готовиться разыгрывать китайскую карту. Согласившись пока на русские условия, – а что мы можем сейчас противопоставить? – уже думать, кто станет нашей проходной фигурой, Чан Кай Ши... или Мао? Или даже оба?

Впрочем, вопросы мира после той войны будут уже в компетенции ООН. Как раз три месяца и потребуются, чтобы наладить ее работу, решить процедурные вопросы. При том, что реально решать все будут по-прежнему великие державы – как сейчас, четверо (если точнее, то трое и примкнувший к ним француз) приватно договариваются между собой, после ставя прочих перед фактом принятого решения».

Выйдет ли послевоенный мир (ясно, что япошки долго не продержатся, еще год максимум) лучше, крепче и надежнее прежнего? Рузвельт вспоминал годы с 1933-го по 1940-й, когда на грани между крахом экономики и социальным взрывом удержаться удалось великим чудом, воистину милостью Господней! Если даже среди высшего класса, а особенно среди интеллектуалов были модны разговоры на тему «а если бы у нас было, как в СССР», их пятилетки на фоне нашей Депрессии! Экстраординарные меры, принятые с согласия хозяев большинства американских корпораций, – такие, как запрет американцам владеть инвестиционными золотыми слитками и монетами, с принудительным выкупом уже находящегося в частном владении инвестиционного золота, разделения банков на инвестиционные и спекулятивные[17 - Закон Гласса-Стиголла; отменен в 1999 году.], принятие подоходного налога и введение пенсионной системы, создание Корпуса общественных работ и стимулирования промышленности за счет заказов федерального правительства, военных и инфраструктурных – позволили лишь временно отодвинуть падение в пропасть, настоящим спасением стала война, позволившая загрузить промышленность. И это было смешно, что коммунисты обвиняли капиталистов США в том, что это они развязали войну в своих интересах – наивные люди, не понявшие того, что эта война, ставшая продолжением прошлой Великой войны, была неизбежна, даже если бы все бизнесмены Америки поголовно стали убежденными пацифистами! Он, Франклин Рузвельт, первым понял, что своими силами США не спасутся от катастрофы, которую в 30-е годы удалось лишь временно выставить за дверь. А еще он понял, что марксисты были абсолютно правы, говоря о «системном кризисе капитализма» – капитализм, в его классическом виде, действительно исчерпал себя. Собственно, это произошло уже к началу XX века, после окончательного раздела мира – дальше мира быть не могло, по той простой причине, что капитализм является динамически, но не статически

устойчивой системой. Проще говоря, капитализм подобен езде на велосипеде – он устойчив, только пока едет вперед. А дальше, или падение, или передел мира!

Ясно было и то, что состоявшийся передел мира в Версале никаких проблем не решил – лучше всего по этому поводу сказал маршал Фош: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет». Причин на то было много: предельное истощение всех европейских участников конфликта, которое, совокупно с серьезнейшими социальными конфликтами, после войны выбравшимися наружу, провоцировало поиск выхода в новой войне; незавершенность конфликта, как на уровне государств, так и на уровне элит; замена имперских идеологий в Европе примитивными националистическими идеологиями; сомнительность новых границ с точки зрения практических надобностей обеспечения экономических интересов и военной устойчивости. Словом, причин, веских, крайне серьезных, хватало с избытком – и не последней из них был пример России, нашедшей свой, весьма нестандартный, выход из создавшегося положения.

Рузвельт пытался понять, где был источник не просто силы русских, но их способности непредсказуемо меняться на глазах, снова и снова превращаясь во что-то качественно новое. Поначалу русская попытка построить «рай чертей в аду» не вызвала у Рузвельта ничего, кроме иронии – нетрудно перебить старую элиту, еще проще объявить новой элитой «рабочих от станка» – но это совершенно не отменяет необходимости иметь в мало-мальски достойном этом определении государстве, да и любом крупном сообществе людей, дееспособную элиту, способную как минимум удерживать имеющиеся позиции страны в безжалостной мировой конкуренции. Русские же революционеры пошли даже дальше своих французских коллег, в процессе своей революции и Гражданской войны разнеся свою страну еще более основательно, чем это сделали в свое время французы. Результаты были вполне очевидны и предсказуемы – нищая, бессильная страна, неспособная ни толком обеспечить себя, ни защититься от сильного врага, ни предложить остальному миру ничего материального, кроме некоторых видов сырья. Но идеи, победившие в этой стране, пугали европейские элиты, все без исключения, до холодного пота и ночных кошмаров. Потому что Европа была истощена Великой войной до предела, так что выделить своим народам хотя бы столько же ресурсов на потребление, сколько выделялось до войны, было никак нельзя. А с войны вернулись люди, видевшие смерть и научившиеся убивать, и нашли дома недоедавшие семьи – а хозяева жизни, в течение всей войны подставлявшие карманы под золотые реки, ручьи и ручейки военных заказов, посредством политиков и газет, рассказывали им о национальной гордости, патриотизме и

необходимости стойко переносить тяготы послевоенного времени. Но рассказами о патриотизме трудно накормить голодных детей – а о примере русских, физически уничтоживших своих «жирных котов», нажившихся на войне, знали все. Тогда эту проблему удалось решить путем реформ – так, в Великобритании впервые ввели всеобщее пенсионное обеспечение, – но не было никаких гарантий, что при резком ухудшении экономической ситуации все не начнется снова.

Защититься от «русского варианта» можно было четырьмя способами – предложив своему народу более высокий уровень жизни, чем в Советской России, за счет экономического роста в рамках классического капитализма; совместить этот высокий уровень с новой идеологией, альтернативной коммунистической идеологии; обеспечить высокий уровень жизни, вместе с серьезными реформами капиталистической системы; и, наконец, просто стереть красную Россию с политической карты мира. Первый вариант, дополненный косметическими реформами, попытались реализовать в Западной Европе после Великой войны – пока был послевоенный рост, имевший своей базой отложенный спрос военного времени, он неплохо работал, но стоило этому росту закончиться, сменившись Великой Депрессией, как «призрак коммунизма» снова материализовался. Кое-как удалось удержаться на плаву Великобритании и Франции, в основном за счет прибылей, получаемых от эксплуатации колоний – но США и Германия оказались на краю пропасти. Германская элита, осознавая тот факт, что от коммунистической революции ее отделяет всего один шаг – за ГКП голосовала треть немецких избирателей – сделала ставку на идеологию национальной исключительности и реванша, дополненную тратой основного капитала на подготовку к завоевательной войне и повышение уровня жизни народа. Успех должен был компенсировать всё – в случае поражения ничего хуже победы красных быть не могло. Американская элита, напуганная разве что чуть менее немецкой – многотысячные демонстрации под лозунгами «Сделаем так, как в России», и тридцатикратный, за три года, рост популярности социалистической партии, улучшившей свои результаты на выборах с 0,1 % до 3 %, наводили на вполне определенные размышления – предпочла второму варианту третий, согласившись на существенное уменьшение своих прибылей ради хотя бы относительного социального мира. Последний вариант, при всей его привлекательности, довести до стадии реализации не удалось ни в конце 10-х годов, ни в начале 30-х – в первом случае слишком велика была усталость армий и народов Европы от войны, так что никто не мог с уверенностью сказать, что отправка английских или французских армий на войну в Россию не отзовется революцией в Великобритании или Франции; во втором случае не смогли ни найти денег на большую войну, ни договориться о разделе добычи. Довести его

до стадии реализации сумел лишь объединивший континентальную Европу под властью Германии Адольф Гитлер – что едва не кончилось катастрофой для всего мира, когда бешеный пес, старательно вскармливаемый против указываемого ему врага, вдруг сорвался с цепи и бросился на своих хозяев. Что ж, теперь бывшему фюреру предоставлена возможность размышлять об ошибочности своего поведения – за время, оставшееся ему до петли.

Начатая Сталиным и его группой политика индустриализации поначалу тоже вызывала улыбки – заводы и фабрики бесполезны без подготовленного персонала; и, даже в том случае, если бы его каким-то чудом удалось бы подготовить в полуграмотной стране, вовремя и нужного качества, то даже самая лучшая промышленность бесполезна в отсутствие достаточно компетентной элиты, способной квалифицированно использовать имеющиеся возможности – Великая Французская революция дала тому столько примеров, что Рузвельту было просто лень перечислять всех этих адвокатов, плотников и конюхов, молниеносно сделавших карьеру – и блистательно проваливших все возможное и невозможное. А Сталину удалось невозможное – он сумел не просто обеспечить движение общества вперед за счет слома социальных, сословных и иных перегородок, но и преобразовать эту энергию в качественный рост общества. Это казалось невозможным и неправдоподобным – такого не делал даже Наполеон, сумевший вырастить новую военную элиту и качественно реформировавший французское общество, но в гражданских делах опиравшихся на людей, состоявшихся до революции. Неким подобием можно было считать Парагвай первой половины XIX века, – но даже парагвайцы одно время бывшие второй индустриальной державой Америки (после США), не смогли вырастить у себя элиту мирового уровня, хотя они имели для этого полвека относительно спокойной жизни. На это нельзя было смотреть без восхищения, смешанного с ужасом, – сказка о Золушке, на глазах превращающейся в принцессу, становилась реальностью. Большевики с блеском перехватили «американскую мечту» – вера в то, что «любой чистильщик обуви может стать миллионером», если сумеет пройти жизненные испытания, тускнела перед русской реальностью, в которой сыновья крестьян, рабочих, мелких клерков становились инженерами и директорами заводов, офицерами и врачами, причем все зависело только от них. Рузвельт никогда не был особенно религиозен, хотя, конечно, он не был и атеистом – но работая с информацией по этой России, ему иногда вспоминались строчка из Библии. «К новому небу и новой земле...»

Коллективизация не особенно удивила его – было понятно, что индустриализация невозможна без концентрации и перераспределения ресурсов; также было необходимо модернизировать сельское хозяйство России в

очень сжатые сроки, что было невозможно без жестокой ломки старого уклада.

Так же не вызвало особого удивления уничтожение революционной элиты, так сказать, элиты первой волны – это было закономерно, на смену горлопанам и дилетантам должны были прийти профессионалы.

Поражало другое – скорость, с которой менялась Россия. Вчерашние малограмотные крестьяне становились не самыми худшими рабочими; их сыновья, в старые времена, при всех своих талантах, обреченные крутить хвосты свиньям, заканчивали открывавшиеся во множестве университеты и колледжи (называвшиеся у русских техникумами), становясь на путь, который вел умных и смелых, талантливых и работающих к вершинам власти. Этих людей можно было бы сравнить с юными французскими лейтенантами, вошедших в историю как «Железная когорта Бонапарта», – но Рузвельт слишком хорошо понимал, насколько приблизительно это сравнение. Речь ведь шла не о горсточке людей, возглавивших пусть и победоносную армию, но о десятках миллионов, меняющих суть своей страны и о сотнях тысяч, достаточно компетентно руководящих этим изменением. Так что при всей похожести изменений, происходивших во Франции в конце XVIII века и России первой трети XX века, при несомненном внутреннем родстве процесса перехода от революционной республики к военной империи, различия были не количественными, а качественными, поскольку Наполеон всего лишь закреплял буржуазное общество, а Сталин создал качественно новое общество, не просто с новыми социальными отношениями, но и с новым качеством образования и квалификации, патриотизма и ответственности.

Не меньше впечатляла и способность красного императора применяться к обстоятельствам. По всем расчетам, переброска ресурсов в тяжелую промышленность и национальную оборону, бывшая единственно возможным ходом в тех обстоятельствах, в которых находилась Советская Россия, неизбежно должна была привести к жесточайшему дефициту продуктов питания и товаров народного потребления. Многие, далеко не худшие, аналитики прогнозировали социальный взрыв в Советском Союзе, справедливо указывая на образовавшийся структурный перекоп в советской экономике, предотвратить который можно было только за счет частной инициативы, – но это было невозможно из-за коммунистической идеологии. Сталин сделал это – и он ведь не просто сумел решить проблему товарного дефицита, разрешив частную инициативу «под флагом» артелей, но добавил советскому обществу новую степень свободы, при этом не разрушив его единства. Теперь то меньшинство,

которое не желало быть частью новой имперской машины, предпочитая ему пусть маленький, но свой бизнес, получило возможность легально воплотить свое желание в жизнь, при успехе своего начинания становясь уважаемыми членами имперского общества, с неплохим социальным статусом и защищаемой законом собственностью.

Франклин Делано Рузвельт вспомнил свою беседу с начальником разведки Госдепа, принесшим ему подробный доклад о новом сталинском нэпе. Опытный разведчик искренне иронизировал по поводу того, что как большевики ни экспериментировали со своим коммунизмом, а в итоге им пришлось вернуться к доброму старому капитализму. Он так и не понял, что делает Сталин, а Рузвельт не стал объяснять ему, что Сталин строит не общество – мечту оторванных от реальной жизни идеалистов, а общество, способное стать материализовавшейся мечтой для 95 % европейцев и американцев, не говоря уже об азиатах и латиноамериканцах. Тем он и страшен для существующих элит Запада, а вовсе не танками и бомбардировщиками, даже не пропагандой идеалистов из Коминтерна. Но к ужасу Рузвельта, мало кто даже из элит США понимал это, искренне считая нынешнюю бедность русских неотъемлемой частью их строя, а не «болезнью роста» еще вчера очень отсталой страны.

Рузвельт очень хорошо понимал папу Пия XII, пошедшего на союз с русскими, не слишком желая этого – папа увидел, перед каким выбором он стоит: либо положить тысячелетний авторитет католической церкви на весы реализующийся мечты итальянцев, сделав его составной частью этой мечты, либо противопоставить авторитет церкви этой мечте и потерять его, независимо от исхода противостояния. Президент мог только позавидовать папе, которого поняли и поддержали многие высшие иерархи РКЦ – его попытку противопоставить «русской мечте» «Второй билль о правах», попросту списанный с социальных гарантий русской Конституции 1936 года, не понял почти никто. Собственно, этого следовало ожидать – Рузвельт вспомнил ожесточенную борьбу в Конгрессе и Сенате по поводу его проекта «Администрации долины реки Теннесси». Тогда даже его сторонники, за редким исключением, не видели, что речь идет не только о колоссальном инфраструктурном проекте, но и том, чтобы Америка получила опыт использования государственных средств в проектах, лежащих за пределами возможностей частных инвесторов – опыт, подобный советскому опыту концентрации ресурсов на ключевых направлениях; опыт, который так пригодился в последние четыре года. Сейчас же его выслушивали из вежливости – даже лучшие члены его команды, за исключением разве что Уоллеса, просто не понимали, что русские, продолжая совмещать принципы

конкуренции с социальными гарантиями, концентрацию ресурсов в ключевых отраслях промышленности с частной инициативой внизу, имеют все шансы не просто быстро справиться со своими «болезнями роста», но и уйти в отрыв от Америки, доведя до высокой степени совершенства свое общество. Образно говоря, пока Америка будет ехать на «Кадиллаке», Советский Союз переседет на В-29.

События в Германии и Италии превзошли самые худшие опасения, мучившие Рузвельта еще в 30-е годы; опасения, буквально заставившие его «поставить на кон» свой авторитет, заработанный в течение всей жизни, – да, он отдавал себе отчет в том, как подавляющее большинство «хозяев Америки» отреагирует на предложенный им «Второй билль о правах». К его сожалению, он оказался прав в своих ожиданиях относительно реакции большого бизнеса США на этот проект.

Гитлеровское вторжение в Россию отвечало его ожиданиям – фюрер, как и его генералы, так и не смогли в полной мере осознать всю важность морской мощи, так что их обращение к привычной континентальной стратегии было вполне естественным. С точки же зрения долговременных интересов США это вторжение было подарком судьбы – два опаснейших стратегических конкурента США предельно ослабляли друг друга в ожесточенной схватке. Конечно, Рузвельт был слишком умен для того, чтобы открыто демонстрировать профессиональный цинизм государственного деятеля и аналитика высочайшего класса, в отличие от Рэндольфа, Черчилля и покойного Гарри Трумэна – мимолетная глупость могла очень дорого обойтись впоследствии, когда надо будет юридически закреплять итоги войны. Русофобия фюрера, напроць отключившая присущие Гитлеру здравый смысл и звериную интуицию, стала проклятием Германии и великим благом для США – теперь, когда Гитлер во всеуслышание объявил русских недочеловеками, по отношению к которым не должны соблюдаться ни законы и обычаи ведения войны, ни элементарные нормы гуманизма, все русские, неважно, сторонники или противники Сталина, большевики или националисты, становились смертельными врагами Германии, объединенными в этой борьбе. От Сталина же Рузвельт не ждал глупостей, очень уж тот был умен, предусмотрителен и осторожен – и не ошибся, узнав о сказанной красным императором в тяжелейшем для России феврале 1942 года фразе. «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается...» Выводы из этого были для Рузвельта очевидны до неприличия – Сталин уже тогда был уверен в конечной победе СССР и начал психологическую подготовку своего народа к построению послевоенного мира – мира, в котором СССР будет тесно взаимодействовать с Германией, где не будет Гитлера. Популярная среди

аналитиков армии и Госдепа версия, что речь идет о подготовке к заключению сепаратного мира, на взгляд президента, не выдерживала критики – этому категорически противоречили русские заказы, сделанные еще во время визита Гопкинса. Да и действия русских летом и осенью 1941 года совершенно не были импровизацией, это признавали сами разведчики. Дальнейшие события подтвердили оценку президента, – но оставалось неясным, откуда у Сталина была эта уверенность. Доклады разведок США не давали ответа на возникавшие вопросы – наоборот, странности только множились, не получая внятных объяснений.

Рузвельт анализировал действия Сталина перед войной и в начале войны – по его глубокому убеждению, именно там следовало искать корни происходящего сейчас. С учетом склонности Сталина планировать все на двадцать ходов вперед, версия о серии удачных импровизаций русских не заслуживала даже иронии, она была просто смехотворна. Не поняв происходившего тогда, невозможно было понять причины нынешнего положения дел, – а не понимая сути происходящего сейчас, немислимо было планировать будущее. Итак, во второй половине 30-х начинается уничтожение старых революционеров, с последующей заменой революционной идеологии имперской – и тогда же, судя по строительству заводов-дублеров, начинается подготовка советской промышленности к возможной эвакуации на Восток; той самой эвакуации, которая была осуществлена во второй половине 1941 года. Выражаясь проще, расчищается место для имперской элиты и имперской идеологии – и одновременно тогда же начинается подготовка к запуску плана «В», рассчитанного на тот случай, если в Европе дела у СССР пойдут плохо. Судя по той уверенности, которую Сталин демонстрировал на переговорах с Гопкинсом, у него уже были основания рассчитывать на успех плана «В». Заказы на станки, оборудование, стратегическое сырье служили лучшим доказательством того, что эта уверенность не была «хорошей миной при плохой игре». Чтобы иметь такую уверенность в конце июля – начале августа 1941 года, нужны были крайне веские основания – Германия превосходила Советский Союз по величине подконтрольного ей экономического и демографического потенциала, оперативному и тактическому мастерству армии; а о «втором фронте» тем временем можно было только мечтать.

После возвращения Гопкинса из СССР Рузвельт задал себе два вопроса – допустим, речь идет не об импровизации в сложившихся обстоятельствах; в таком случае, что представлял собой план «А»? Допустим, Сталин не играет, изображая уверенность в своих силах – на что он рассчитывает, при таком неравенстве сил?

С ответами на первый вопрос все было очень плохо – версия доктора Геббельса, гласящая, что Сталин готовил агрессию против Германии, и его удалось упредить в последний момент, вызывала у профессионалов взрывы хохота. Рузвельт не был военным, но доводы военных были более чем убедительными – при отсутствии наступательного развертывания, при том уровне подготовки и материально-технического обеспечения, который был у Красной Армии летом 1941 года, она просто не могла начать наступательную войну против Германии. А если бы все-таки СССР начал агрессию против Германии, то быстрый разгром РККА в Польше и Румынии был бы неизбежен. Равно не выдерживала даже малейшей критики версия о том, что Сталин ждал антигитлеровского переворота в Германии – в 1941 году «казус Роммеля» был невозможен по определению. Примыкавшая ко второй версии версия о том, что союз СССР со старой европейской элитой был заключен еще до войны, была не убедительнее второй – никто не станет заключать союза с заведомо слабейшей стороной. Четвертая версия, выдвинутая аналитиками уже в отчаянии, поскольку логичного объяснения поведению Сталина не было, гласила, что Сталин ждал англо-американского вторжения в Европу, а до этого надеялся оттянуть время. Комментировать это Рузвельту было просто некогда – времени не хватало на серьезные дела.

Так же плохо обстояли дела с ответом на второй вопрос – кадровая армия была уничтожена, потеряны территории, на которых до войны была сосредоточено больше половины экономического потенциала СССР. Да, удалось эвакуировать промышленность, – но из этого совершенно не следовало, что, во-первых, удастся запустить производство в нужные сроки, во-вторых, что удастся производить технику пристойного качества в нужных количествах. Поражение Вермахта в Московской битве сняло угрозу быстрого краха СССР, – но военные специалисты были едины во мнении, что исход войны на Востоке далеко не предопределен. Сталин тем временем, по докладам разведчиков и дипломатов, со спокойствием человека, имеющего на руках четыре туза и джокер, занимается развертыванием военной промышленности на востоке страны и готовит стратегические резервы. Он сохраняет спокойствие в ситуации, когда СССР оказывается едва ли не ближе к катастрофе, чем осенью 1941 года – летом 1942 года советские войска разгромлены под Харьковом, танковые группы Вермахта рвутся к предгорьям Кавказа и ближним подступам к Сталинграда, угрожая лишить Советский Союз и основного района нефтедобычи, и ключевого маршрута транспортировки нефти и нефтепродуктов с Кавказа в центр страны. Конечно, оказавшись перед перспективой краха Советской России из-за отсутствия горючего, США оказали бы помощь, – но ни по иранскому маршруту,

ни по дальневосточному перебросить миллионы тонн нефтепродуктов было невозможно даже теоретически; а арктический маршрут оказался на грани фактического закрытия из-за успехов немцев.

И вот тут наконец-то фактор «X», который многие сподвижники Рузвельта считали плодом излишне живой фантазии специалистов из его «мозгового треста», вопреки завету Конфуция ищущих отсутствующую в темной комнате черную кошку, проявил себя. Тогда что-то начало проясняться – до этого аналитики ожесточенно спорили о природе этого предполагаемого фактора «X», и доминировало мнение, что он представляет всего лишь выход советского общества на новый качественный уровень развития, подобно тому, как изменились США после эпохи Реконструкции, или Германия после эпохи грюндерства, став из аграрно-индустриальных стран обществами индустриально-аграрными империями мирового класса. Этому мнению поначалу придерживался и сам Рузвельт – точка зрения меньшинства аналитиков, что фактор «X» представляет собой нечто сложное, включающее в себя и некую внешнюю компоненту, представлялось тогда президенту весьма спорным. Любимый аргумент меньшинства аналитиков о наличии внешней компоненты – реформация структуры большевистской партии, Рузвельт считал некорректным, хотя, конечно, в лицо он этого не говорил. Нет, отрицать тот несомненный факт, что большевики прошли путь от вполне обычной экстремистской партии, совмещающей легальную политическую деятельность с подрывной работой против своего государства, включая восстания и террор, похожей, например, на ирландскую ИРА, до правящей партии довольно нестандартного образца, и, далее, до структуры орденского типа, крайне напоминавшей орден тамплиеров времен его расцвета, было глупо. Естественно, первый этап не вызывал вопросов – суть дела была логична и понятна; также все было вполне понятно и очевидно со вторым этапом – оказавшись в хаосе Гражданской войны, в ситуации развала государственного аппарата, большевики вынужденно повторили путь якобинцев, превратив свою партию в структуру управления государством, правда, заметно успешнее; а вот третий этап, превращение в орденскую структуру, наводил на серьезнейшие размышления – да, само по себе успешное совмещение идеи и идеологии, с управленческими функциями, было весьма нетипичным вариантом; но осуществление такой структурой буквально прорыва из времени паровозов и лошадей в эпоху дизелей и самолетов, давало пищу для размышлений на порядки большую. Когда сторонники второго варианта прямо говорили президенту, что единственный пример преобразований сопоставимого масштаба, на сопоставимой территории, структурой такого типа – это деятельность ордена тамплиеров, фактически создавших не просто орденское государство на территории западноевропейских

государств, но первую в истории Европы единую финансово-торговую структуру, охватывавшую и почти всю Европу, и Средиземноморье. Это было нечто качественно новое – единое государство в государствах, объединенное общей идеей и железной дисциплиной, единая финансово-торговая структура, общие вооруженные силы и секретные службы – и эффективность этой системы настолько превосходила обычные для этой эпохи образцы, что ее поспешили уничтожить, пока это еще было возможно. Но орден тамплиеров создавался элитой европейского дворянства, при активнейшей поддержке Ватикана – Сталин мог только мечтать о таких стартовых условиях, и, надо заметить, о таком качестве человеческого материала, какими располагали создатели и иерархи ордена. Прийти к этой идее, говорили сторонники этой версии, он мог и сам, – но воплотить ее в жизнь с таким успехом, при активном противодействии старых революционеров? На это Рузвельт резонно отвечал, что основания для сомнений в единоличном авторстве Сталина такой трансформации большевистской партии, безусловно, есть – но нет доказательств посторонней помощи. Кроме того, совершенно неясно, кто бы мог и желал помочь мистеру Сталину с этим бизнесом.

После показательной резни, устроенной Арктическому флоту Рейха русским Северным флотом, доселе незамеченным в особых свершениях, Рузвельт совершенно спокойно ждал продолжения – если это было началом явного вступления в игру фактора «Х», имеющего внешнюю составляющую, то продолжение должно было последовать, и скорее всего, на юге России, чтобы снять угрозу русским нефтяным месторождениям. Предположение подтвердилось не сразу, вначале последовали репетиции на севере и в центре советско-германского фронта, – но его реализация вызвала шок у американских генштабистов, не сразу поверивших в реальность такого разгрома. Если до сей поры противостояние Красной Армии и Красного Флота с Вермахтом и Кригсмарине напоминало Рузвельту поединок парня с фермы, пусть и сильного, и разучившего приемы бокса, но совершенно неопытного, с признанным чемпионом штата среди любителей, с вполне предсказуемыми результатами – то теперь чемпион США среди профессионалов методично, с усердием хорошего повара, превращал в отбивную котлету чемпиона штата среди любителей. Результат также был очевиден – но нужно было найти ответы на некоторые вопросы. Кто тот тренер, превративший парня с фермы в непобедимого чемпиона? Каковы его планы, насколько далеко он собирается зайти? Насколько его цели совпадают с целями его подопечного? Возможно ли выйти с ним на прямой контакт – или переговоры придется вести с мистером Сталиным? Можно ли вообще с ним договориться на приемлемых для США условиях – или жесткая конфронтация неизбежна?

Сотрудники «мозгового треста» президента трудились как негры на плантации, – но информации для анализа катастрофически не хватало. Если удалось вычислить два наиболее вероятных варианта ответа на первый вопрос, то с ответами на второй вопрос дела обстояли намного хуже – предположительно речь шла о доминировании, но ограничивается ли это доминирование Европой, Евразией или же всем миром, ответить было невозможно. Неясно было и то, идет речь о классическом доминировании – или доминирование является средством для достижения некой сверхзадачи. На третий, четвертый и пятый вопросы ответов не было вовсе.

События в Италии, Испании и Германии намного превзошли худшие ожидания – тренер сделал из своего ученика не просто воина, пусть и непобедимого на поле боя, но еще и блестящего экономиста и дипломата. Впрочем, Рузвельт подозревал, что «университетский курс» начался отнюдь не в 1942 году, а самое позднее лет на пятнадцать раньше – очень уж хорошо укладывалась в единую систему трансформация Советского Союза и его общества, завершением которой стала трансформация его вооруженных сил, внешнеэкономических отношений и внешней политики. Оставалась сущая мелочь – попытаться донести понимание всего этого сначала до своих сподвижников, а затем до «капитанов» американского бизнеса. Совсем недурно будет, подумал Рузвельт, если они не сочтут, что я несколько переутомился от тяжелых трудов на посту президента – или что моя болезнь начала влиять на ясность моего рассудка. Рузвельт прекрасно отдавал себе отчет в интеллектуальных способностях как первых, так и вторых – очень умные, великолепно образованные люди, отлично умеющие просчитывать ситуацию «в статике» и очень хорошо – «в динамике», они, за редким исключением, с большим трудом выходили за грань привычных шаблонов. Им не хватало таланта, которым, без ложной скромности, обладал сам Рузвельт – не просто выйти мыслью за грань, но и совместить это с текущей реальностью, с несомненной пользой для последней – кроме него, из числа его сподвижников, этой способностью обладали умиравший от рака Гопкинс и присутствующий здесь Маршалл. Еще, пожалуй, с изрядной натяжкой, можно было добавить в список отсутствовавшего Аллена Даллеса, выдающегося бизнесмена и дипломата.

Чем ум отличается от хитрости? Тем, что он видит суть вещей, в то время как второе это лишь нахождение частных решений применительно к условиям. Старина Уинни, безусловно, был очень хитрым и многоопытным бойцом за могущество Британской империи. Он с яростью сражался за каждую мелочь – Шпицберген, Нарвик, французская контрибуция, оплата по ленд-лизу, границы

фунтовой зоны, статус Проливов, курдская проблема, Афганистан, что-то там еще. Но все это не имело никакого значения – если где-то рядом пряталось нечто, способное перевернуть игровой стол, причем ключ к нему был в кармане у одного из игроков, кто сейчас отмахивается от нападков Уинни вполсилы, даже не выходя из состояния олимпийского покоя.

Так неужели аналитики были правы в одном из предположений, на вид совершенно безумном?

Рузвельт с трудом дождался окончания заседания. Проклиная свою прикованность к коляске – насколько легче было бы просто к Сталину подойти, чтобы задать один вопрос! Или просить через переводчика о минутном разговоре один на один? Но все обернулось как можно лучше – раскрасневшийся и злой Черчилль первым выскочил за дверь, за ним последовал его секретарь-переводчик. Сталин неспешно встал и тоже собрался выйти.

– Господин маршал, можно вас на минуту? – сказал Рузвельт. – У меня к вам есть важный вопрос.

Если Сталин и удивился, то вида не подал. Вернулся на прежнее место, сел в кресло напротив.

– Господин маршал, я хотел вам сказать, – тут президент США на секунду запнулся, подбирая слова, – знаете ли вы, что бывает с волком, присвоившим общую добычу? Его рвут всей стаей. Если к вам, волею судьбы или господя, попало то, что по праву принадлежит всему человечеству. Господин маршал, у вас есть доступ к машине времени?

Сталин лишь усмехнулся. И произнес:

– Вероятно, ваши аналитики так и не смогли найти причину побед нашей армии над врагом и придумывают для объяснения этого самые невероятные причины. Нет у меня машины времени, и даже волшебной палочки нет. Все это сделано руками наших, советских людей.

И сверкнул взглядом.

– Под всем человечеством вы, видимо, имели в виду Соединенные Штаты? Да и слова про стаю волков мне придется иметь в виду в дальнейшем.

«Вот черт! – подумал Рузвельт. – Я не только ничего не прояснил, но еще и подставился! Но каков же он – матерый волчара! Хотя... в таком разговоре все же не комильфо лгать в глаза? Умалчивать, говорить иносказательно или двусмысленно – да. Но не отрицать имеющееся!»

– Интересно, господин президент, а как бы вы ответили на подобный вопрос? – продолжил Сталин. – Впрочем, даже если допустить что что-то подобное имело место, неужели вы, американцы, стали бы этим делиться? Вспомним времена «золотой лихорадки» на Аляске, гениально описанные господином Лондоном, – золотоискатели столбили участки, становящиеся их собственностью. Посягательство на чужой участок каралось смертью, – но любой имел право за столбить свое место на незанятой земле и искать там золото. И если ему это удавалось – это его удача и его право, которое он мог защищать. И никто не ссылался на «право стаи». Впрочем, господин президент, мы с вами собрались здесь обсудить мировые проблемы, которые ждать не могут? А о фантастике, я полагаю, можем поговорить позже, например, в компании с господином Уэллсом, он ведь ещё жив?

30 мая от советской делегации в Москву ушло шифрованное сообщение. Которое содержало лишь одно слово – «согласие».

В этот день вечером в Генштабе и некоторых других учреждениях допоздна горел свет. А линии ВЧ, идущие на Дальний Восток, наверное, раскалились от звонков.

Все дипломатически решено – можно начинать! За Родину, за Сталина!

Из дневника генерал-лейтенанта

Императорской Армии Фусаки Цуцуми,

командира 91-й пехотной дивизии

Основное правило бусидо: жить, когда надлежит жить, и без колебания умереть, когда следует умереть!

Из всего состава моей 91-й дивизии, отличившейся в Бирманской кампании и в Индийском походе, вернулся в Японию я один. Вывезенный в госпиталь, не с ранением, что было бы еще достойно самурая, а всего лишь с тропической лихорадкой! Формально я оставался в прежней должности, а полковник Сасаки, мой заместитель, всего лишь «исполняющим обязанности», – но когда я сумел наконец восстановить здоровье, моей дивизии уже не было, она полностью погибла под Рангуном, пытаясь сдержать наступление англичан.

Европеец не смог бы меня понять, сказав – в случившемся не было моей вины. Но у нас в Японии считают, что если ты совершил неблагоприятный поступок, «потерял лицо», даже не по своей воле, а по стечению судьбы, по воле богов – значит, судьба или боги к тебе неблагоприятны. Следовательно, ты плохой слуга императору, тебе нельзя будет ничего поручить и в дальнейшем. Но тогда – зачем тебе жить, отнимая кусок у более достойных?

Потому я ждал всего – и готов был подчиниться, если бы мне было велено прервать свою недостойную жизнь. Но после месяца ожиданий, в начале мая 1945 года, я узнал о чести, которую собиралось оказать мне руководство Императорской Армии, вверив под мое командование войска на северных Курильских островах. И еще большей честью для меня было, что новоформируемой дивизии будет присвоен славный номер моей 91-й!

Задачи, озвученные мне в Военном министерстве и Генеральном штабе, были на первый взгляд, скромны. Всего лишь оборонять два небольших острова – Шумшу и Парамушир. На которых уже была проделана большая работа, построены укрепления, аэродромы, значительно усилен гарнизон – раньше эти острова защищала всего одна пехотная бригада, теперь же она была развернута в дивизию, сохранившую, однако, необычную для японской армии 1945 года бригадную, а не полковую организацию. Свои меры предпринял и Флот – на островах были построены две неплохо оборудованные и укрепленные базы легких сил флота, Катаока – на Шумшу, и Кавасибара – на Парамушире, позволявшие контролировать русскую морскую трассу в Петропавловск через северные Курильские проливы, а при необходимости – отправить на дно ничтожные силы русского флота, базировавшиеся на Камчатке. Кроме того, флотские построили два аэродрома – один для истребителей и бомбардировщиков, второй – на озере, расположенном на Шумшу, был

гидроаэродромом.

Огромные трудности были с комплектованием дивизии личным составом. Замечу, что сохранение прежнего номера создало даже в Японии иллюзию, что на северных островах находится все та же прославленная 91-я дивизия, кадровая, с огромным боевым опытом, и конечно, не испытывающая недостатка в вооружении, – а это было далеко не так! Не хватало доброкачественного призывного контингента, оружия и снаряжения, кадровых офицеров и унтер-офицеров – все забирал фронт в Китае, Малайе, на островах Южных морей. Мне оставалось надеяться только на «ямато да-си», японский дух, да готовиться к предстоящим сражениям с непреклонностью и верой в победу, ибо «самураю не пристало жаловаться на остроту своего меча»!

Согласно спискам, я имел под своей командой 20 000 человек, 3466 лошадей или мулов. Две пехотные бригады, каждая в пять батальонов, артиллерийский полк, разведывательный полк (фактически – батальон, 440 человек), инженерный полк (900 человек), транспортный полк (750 человек), танковую роту. Даже этот штат носил черты импровизации – стандартом для подавляющего большинства дивизий Императорской Армии в то время уже была полковая, а не бригадная организация. Артиллерийский полк номинально был укомплектован полностью – но 150-мм гаубиц не было совсем, 105-мм пушек лишь две батареи вместо трех (8 орудий вместо 12), а все недостающее число заполнили до положенного 75-мм полевыми пушками «тип 38»[18 - Обр. 1905 года, аналог нашей «трехдюймовки» ПМВ и Гражданской, самая массовая пушка Императорской Армии в 1920–1930-е годы.], даже новых пушек 75-мм «тип 90»[19 - Аналог нашей Ф-22.] не нашлось. Самым слабым местом была противотанковая артиллерия – как показала война в Европе, 37-мм пушка, все еще бывшая у нас основным средством ПТО, абсолютно не годилась против современных танков, таких как Т-54 или «шерман», и в то же время имела слишком маломощный осколочно-фугасный снаряд, чтоб быть полезной для поддержки пехоты. Обещанной танковой роты я также не получил – правда, в оперативное подчинение моей дивизии был придан 11-й танковый полк, с боевым опытом, переброшенный из Маньчжурии, под командой знакомого мне подполковника Икеды[20 - Дословно названия подразделений и чинов в японской армии сильно отличались от привычных нам. Так дивизия – это «шидан», бригада – «риодан», полк – «рентай». Так же и звания: генерал-лейтенант это «чу-йо», подполковник – «чу-са». Но чтобы читателям было понятно, здесь и далее будут наши аналоги.].

Положительным фактом было то, что наша оборона была очень хорошо подготовлена в инженерном отношении. Правда, из-за недостатка бетона часто приходилось делать из него лишь лобовую стенку дотов, прочее же – камни, дерево и земля. Но были подготовлены укрытые огневые позиции не только для пулеметов, но и почти для всей дивизионной артиллерии, а также значительное количество подземных помещений для складов, штабов, узлов связи. К сожалению, они мало использовались в мирное время, по понятным причинам неудобства – но предполагалось, что с началом боевых действий все объекты будут перебазированы туда, по установленному штабом порядку.

Но очень скоро я начал понимать, что все далеко не так просто! Так, на аэродромах было собрано совершенно непомерное для их вместимости количество самолетов, и не только истребители, но и бомбардировщики, причем принадлежащие не флоту (что было бы логично, при отражении вражеского десанта), а армии! И если флотская авиация была представлена хорошо знакомыми «зеро», «райденами», и пикировщиками D4, то армейцы прислали новейшие истребители Ki-84 и бомбардировщики Ki-67! Причем если (как мне сказали) с лета 1944 года исполнялся приказ без крайней надобности не провоцировать русских, то уже с января-февраля 1945 года он был фактически отменен, самолеты совершали разведывательные миссии над советской территорией, причем их интенсивность возрастала. Что вызывало все более жесткое противодействие русских. Так вышло, что я прибыл на Шумшу уже после Петропавловского и Сахалинского инцидентов – однако же, по своему положению, принял участие в комиссии по их расследованию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Тут Лазарев ошибается. 9 мая был нерабочим с 1945 по 1947 год, отменен 23 декабря 1947 года. Вновь объявлен в 1965 году. И тогда же, в честь 20-летия Победы, впервые состоялся парад в этот день.

2

О том см. «Морской волк».

3

В реальной истории проект такого Указа, в 1944-м, не был принят.

4

О том см. «Белая субмарина», «Днепровский вал», «Северный гамбит», «Ленинград-43».

5

Напомню, что в альт-реальности унификация воинских званий 1943 года не коснулась политорганов и ГБ.

6

См. «Врата Победы».

7

Будущее семейство многоцелевых машин «Унимог».

8

См. «Белая субмарина».

9

В 30-е годы французский аналог НСДАП.

10

В нашей истории А. Джебраилов, «Армад Мишель», личный друг Де Голля, вернулся в СССР в 1951 году. Работал агрономом в родном селе. Встречался с Де Голлем в его приезд в Москву в 1965-м. Трагически погиб в 1994-м.

11

С тех пор и по сегодня в полевой артиллерии США остались «французские» калибры 105 и 155.

12

На 1914 год нейтралитет Бельгии «в любом европейском конфликте» был гарантирован всеми державами, включая Англию, Францию, Германию. Но территория лежала на пути армии вторжения, и договор был назван немцами «клочком бумажки».

13

«Проанглийские» норвежцы, успевшие эмигрировать в Швецию и организованные там УСО в боевые отряды. В нашей реальности именно они после Петсамо-Киркенесской операции в октябре 1944 года стали «прокладкой» между Советской Армией и немцами, на севере Норвегии.

14

Соответствует нашей истории.

15

В Версале это было сказано итальянцам.

16

В альт-мире аналог Тегеранской конференции.

17

Закон Гласса-Стиголла; отменен в 1999 году.

18

Обр. 1905 года, аналог нашей «трехдюймовки» ПМВ и Гражданской, самая массовая пушка Императорской Армии в 1920–1930-е годы.

19

Аналог нашей Ф-22.

20

Дословно названия подразделений и чинов в японской армии сильно отличались от привычных нам. Так дивизия – это «шидан», бригада – «риодан», полк – «рентай». Так же и звания: генерал-лейтенант это «чу-йо», подполковник – «чу-са». Но чтобы читателям было понятно, здесь и далее будут наши аналоги.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/savin_vladislav/vostochnyy-front

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)